

21998742

V.N. Karazin Kharkiv National University

00445237

5

52

21

35620

1873

34 35 Густавъ Ле Бонъ.

370.1
Л-33

ПСИХОЛОГІЯ ВОСПИТАНІЯ.

Полный переводъ съ одиннадцатаго французскаго изданія
съ портретомъ автора.

*Воспитаніе есть искусство
превращать сознательное въ
безсознательное.*

*Процѣвтаніе всякаго на-
рода гораздо болѣе зависитъ
отъ системы его воспитанія,
чѣмъ отъ его учреждений или
отъ образа его правленія.*

45-
КАБИНЕТ
ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ ХГУ
Парламентское разслѣдованіе по поводу реформы въ области обу-
ченія. Происхожденіе приемовъ обученія въ среднихъ и высшихъ
школахъ. Значеніе и конечные результаты приемовъ этого обу-
ченія. Вліяніе его на умственныя способности и на характеръ.
Лицеи. Директора, учителя и репетиторы. Обученіе въ духов-
ныхъ школахъ. Преобразователи. Измѣненіе въ подготовкѣ учи-
телей. Уменьшеніе числа учебныхъ часовъ. Англійское воспитаніе.
Измѣненія программъ. Мертвые языки. Степень бакалавра и
свидѣтельство о прохожденіи наукъ. Современное и профессио-
нальное образованіе. Задачи воспитанія. Психологическія осно-
вы обученія и воспитанія. Обученіе нравственности, исторіи,
литературѣ, языкамъ, математикѣ, физикѣ и естественнымъ на-
укамъ. Воспитательное значеніе арміи.

Перевелъ и издалъ

Сергій Будаевскій 11827

1910 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типогр. экз. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго, 21. Собств. домъ.

КАБИНЕТ
ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ ХГУ

Этотъ переводъ сдѣланъ
во исполненіе желанія

АВГУСТЪЙШАГО

Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній,
Президента и Почетнаго Члена ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ

Его Императорскаго Высочества

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

Константина Константиновича.

Центральна наукова бібліотека
г. ХНУ ім. В. Н. Каразіна
2013р.

Сергій Будаевскій.

Центральна наукова бібліотека
Харківського національного
університету ім. В. Н. Каразіна
№ 21998742

Докторъ Густавъ Ле Бонъ извѣстенъ, какъ авторъ болѣе чѣмъ двадцати научныхъ трудовъ, среди которыхъ мы находимъ самостоятельныя изысканія по физико-химіи, физиологіи, антропологіи, исторіи, социологіи и философіи. Его перу между прочимъ принадлежитъ такая группа сочиненій по психологіи: *Психологія толпы*, *Психологія воспитанія* и *Психологія социализма* *).

Книга — *Психологія воспитанія* намѣчаетъ крупный шагъ въ развитіи методики обученія и составляетъ если и не вполне новую, то во всякомъ случаѣ внушительную страницу въ исторіи педагогическихъ идей.

Разбирая критически по документамъ и фактамъ состояніе дѣла обученія и воспитанія во Франціи, сравнивая его съ тѣмъ, какъ поставлено оно у нѣмцевъ и англичанъ, авторъ устанавливаетъ психологическіе принципы, на которыхъ должны быть основаны методы обученія и воспитанія. Для начальнаго и средняго образованія онъ признаетъ единственно пригоднымъ только методъ экспериментальный. Всякое обученіе по книгамъ, всякое начинаніе съ абстрактнаго, съ теоріи, онъ считаетъ рѣшительно вреднымъ и, слѣд., недопустимымъ. Не только опытные и естественныя науки, по его мнѣнію, должны преподаваться по экспериментальному методу, но рѣшительно все: языки, исторія, географія, математика и даже мораль.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ увлеченій автора въ этомъ трудѣ, читатель найдетъ въ немъ много матеріала для размысленія на пользу дѣла обученія и воспитанія и, разумѣется, сумѣетъ самъ распознать, что полезно или бесполезно для русской школы, что для нея возможно или невозможно.

С. Б.

*) См. полн. переводъ, 2-е изд., С. Будаевского.

Г-ну Буке де ла Гри
(Bouquet de la Grye),
Президенту Академіи наукъ,
въ знакъ расположенія и благодарности.

Густавъ Ле Бонъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

къ десятому изданію.

Судя по многочисленнымъ изданіямъ этой книги, она имѣла много читателей. Несмотря на это, она оказала очень слабое вліяніе на нашу правительственную школу (universitaire). Замкнутые въ рѣзко опредѣленныхъ рамкахъ программъ, учителя только и могутъ обучать тому, что въ нихъ указано, и обучаютъ неизбѣжно такими же приѣмами, какіе служили и для образованія ихъ самихъ.

Впрочемъ, наши изысканія, въ концѣ концовъ, нашли отголосокъ въ одной, имѣющей большое значеніе, школѣ, призванной создавать нашихъ будущихъ генераловъ. Я хочу сказать о *Военной академіи* *), которая, къ великому счастью, какъ извѣстно, не подчинена Университету. Въ этой школѣ искусные мастера своего дѣла, вчера генераль Бонналь, сегодня полковникъ де Модюи и другіе, внушаютъ сливкамъ нашего офицерства основные принципы, какіе я развилъ въ моемъ изслѣдованіи.

Особенно въ военномъ дѣлѣ должна выказаться польза примѣненія методовъ, которые позволяютъ укрѣплять способность къ разсужденію и размышленію, привычку къ наблюденію, волю и самообладаніе.

Приобрѣсти эти качества, заставить ихъ потомъ превратиться въ безсознательныя, съ тѣмъ, чтобы они стали двигателями поступковъ—въ этомъ и состоитъ все искусство воспитанія. Офицеры отлично поняли то, чего не могли уловить педагоги нашего Университета. Я получилъ новое доказательство тому въ недавно изданномъ трудѣ г. Гоше (Commandant breveté Gaucher) *Etude sur la Psychologie de la Troupe et du Commandement*, въ которомъ очень хорошо изложены указанные мною методы воспитанія.

*) *Ecole de guerre*, подготовляющая офицеровъ для службы въ генеральномъ штабѣ. *Перев.*

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ восьмому изданію.

I.

Исторія настойчивыхъ и совершенно бесполезныхъ попытокъ, продѣланныхъ во Франціи въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ для измѣненія системы обученія, полна психологическаго поученія. Она подтверждаетъ еще разъ, до какой степени наслѣдственныя идеи управляютъ судьбами народовъ и какъ призрачно это неискоренимое, присущее латинской расѣ, понятіе, что разныя государственныя учрежденія создались будто бы только по волѣ чистаго разума и могутъ видоизмѣняться по указаніямъ законовъ и разныхъ предписаній.

Давно уже авторитетные голоса не перестаютъ заявлять, что наше обученіе бессмысленно. Кажется, все перепробовали для передѣлки его, но каждое новшество только ухудшало дѣло.

Въ этой книгѣ указаны причины этихъ неуспѣховъ, кроющіяся отчасти въ глубокомъ непониманіи тѣхъ чисто жизненныхъ условій, безъ выполненія которыхъ обученіе падаетъ до низкаго уровня. Нельзя излѣчиться, не зная, гдѣ и каковъ корень болѣзни.

Какъ велико это невѣжество, лучше всего выясняется при чтеніи пяти огромныхъ томовъ послѣдняго парламентскаго разслѣдованія вопросовъ, касающихся обученія. Какимъ образомъ вещи познаются умомъ? Какъ онѣ усваиваются? Какъ научаются наблюдать, судить, разсуждать, владѣть разными пріемами? Эти то безспорно основныя вопросы почти никогда и не затрагивались. Люди, дававшіе свои объясненія парламентской комиссіи, почти единодушно заявили о плачевныхъ результатахъ нашего обученія. Но почему это такъ, они, казалось, оставались въ полномъ невѣдѣніи.

II.

Изумленный таким невѣжествомъ въ области извѣстѣйшихъ основныхъ понятій психологіи, я попытался въ этомъ трудѣ выяснитъ дѣйствительныя причины, по которымъ наше обученіе стоитъ на низкомъ уровнѣ, и показать, что программы, которымъ обыкновенно приписываютъ все зло, тутъ совершенно не при чемъ.

Если бы наши наслѣдственно укоренившіяся идеи были способны воспринимать тѣ или другія измѣненія, эта книга могла бы принести пользу. Долженъ признаться, что, несмотря на бойкій расходъ книги, она никого не просвѣтила и никого не убѣдила. Университетскіе профессора все еще продолжаютъ искать причины зла, которыя, какъ думается мнѣ, я выяснилъ съ полною очевидностью.

Нѣкоторое понятіе о беспомощности въ этихъ исканіяхъ даетъ рѣчь, произнесенная г. Липпманомъ въ одномъ учебномъ обществѣ *) по вопросу объ обученіи **). Имя и положеніе этого оратора позволяютъ считать, что его рѣчь представляетъ собою документальное выраженіе господствующихъ идей корифеевъ нашей профессуры.

Согласно съ мнѣніемъ большинства своихъ коллегъ, г. Липпманъ показалъ, что наше обученіе на всѣхъ своихъ ступеняхъ упало такъ низко, что ниже упасть едва ли и можетъ. Ученый профессоръ указалъ съ полною очевидностью, какую пользу приносятъ промышленности питомцы германскихъ университетовъ и насколько неспособна оказывать такія же услуги молодежь, проходящая черезъ наши факультеты и техническія школы. Онъ выяснилъ «міровое вліяніе нѣмецкихъ университетовъ, снабжающихъ въ значительной части своими учеными питомцами заводы и фабрики Европы и Америки». Въ то время, какъ въ Германіи наука и промышленность постоянно растутъ, во Франціи онѣ идутъ обратнымъ ходомъ и съ каждымъ днемъ падаютъ все ниже.

Твердо установивъ это рѣзкое различіе, г. Липпманъ неизменно долженъ былъ искать причины его. Несмотря на то, что въ этихъ поискахъ потрачено имъ много труда, онъ не только не нашелъ истинныхъ причинъ, но даже ихъ и

*) L'Association scientifique pour l'avancement des sciences.]

***) См. *Revue scientifique*, 11 авг. 1906 г.

не заподозрилъ. Однако, доводы его, недостаточно правдоподобные, отличаются причудливой оригинальностью. Плачевное состояніе нашего обученія просто-де китайскаго происхожденія и было перенесено во Францію іезуитами. «Если натак киваешься на невѣжество иногда непроницаемое, научное и литературное, напоминающее намъ Китай, то причина тому весьма проста: наша педагогика пришла къ намъ изъ Китая. Это фактъ историческій. Наша педагогика сохранила основныя черты дореволюціонной эпохи. Она вышла изъ стариннаго коллежа Людовика XIV, основаннаго, какъ извѣстно, миссіонерами, возвратившимися съ Дальняго Востока».

Открывъ, такимъ образомъ, причины зла, почтенный академикъ нашелъ и средство противъ него. Нѣтъ ничего проще. Стоитъ только освободить обученіе отъ вмѣшательства чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, и дѣло пойдетъ какъ нельзя лучше. «Неотложная необходимость», восклицаетъ онъ съ негодованіемъ, «избавить обученіе отъ бюрократическаго педантизма и освободить университеты изъ-подъ ига исполнительнѣйшей власти правительства, которая не перестаетъ тяготѣть надъ высшимъ обученіемъ, навязывая ему свою допотопную педагогику. Найдется ли когда-нибудь такой великій министр, который бы лишилъ исполнительную власть права жаловать ученые степени».

Обвиняемые бюрократы въ правѣ недоумѣвать, въ чемъ собственно они виноваты. Имъ можетъ показаться страннымъ, что профессоръ Сорбонны какъ будто не знаетъ, что вѣдь нигдѣ, какъ только въ университетской средѣ *) устанавливаются программы, производятся экзамены на право полученія дипломовъ, и уже только послѣ того эти дипломы выдаются на руки исполнительною правительственною властью.

III.

Если я и воспроизвелъ нѣкоторыя мѣста названной рѣчи, несмотря на странность высказанныхъ въ ней соображеній, то только для того, чтобы показать, какъ упорны наши выдающіеся университетскіе профессора въ своемъ непониманіи

*) Во Франціи вся корпорація дипломированныхъ профессоровъ и учителей именуется словомъ *Университетъ*, причемъ учителя среднихъ школъ наз. также профессорами. Въ этомъ переводѣ словомъ „Университетъ“ выражается то же понятіе, а иногда въ зависимости отъ смысла текста оно замѣнено словами: *учебное заведеніе*, *учебная среда*, *университетская среда*, и т. п. Перев.

вопросовъ обученія. Всѣ эти знаменитые спеціалисты очень хороши въ своихъ лабораторіяхъ и рабочихъ кабинетахъ, но какъ только они выходятъ изъ нихъ, чтобы посмотрѣть и обсудить, что происходитъ внѣ, всѣ разсужденія ихъ нерѣдко являются до странностей мало обоснованными и умозаключенія очень слабыми.

Отъ этого то непониманія и зависитъ въ значительной мѣрѣ безнадежная неспособность профессоровъ сознать, что причины неуспѣховъ обученія кроются исключительно въ несостоятельности практикуемыхъ ими приѣмовъ преподаванія. Читатели этой книги не замедлятъ усмотрѣть, каково вліяніе этихъ приѣмовъ и какъ они одинаковы во всѣхъ развѣтвленіяхъ обученія: высшаго, средняго и начальнаго. Взять ли любой университетскій факультетъ, или школы—Нормальную и Политехническую, или школы земледѣльческія, или просто начальныя школы—всюду практикуются одни и тѣ же приемы обученія. Измѣняютъ чуть не ежедневно однѣ лишь программы, но такъ какъ эти измѣненія не касаются методовъ преподаванія, то не могутъ измѣниться и его результаты.

Эти результаты даже стали значительно хуже сравнительно съ тѣмъ, что было всего тридцать лѣтъ тому назадъ, и произошло это оттого, что вздумали поправить дѣло нагруженіемъ и усложненіемъ программъ. Это усложненіе съ ухищреніями въ разныхъ программныхъ тонкостяхъ, это отвращеніе ко всему реальному—вотъ что характеризуетъ наше обученіе на всѣхъ его ступеняхъ. Стоитъ только сравнить современные учебники со старыми, чтобы убѣдиться, какъ быстро развиваются стремленія въ указанномъ направленіи. Составители учебныхъ руководствъ хорошо знаютъ, какъ угодить вкусамъ профессоровъ, отъ которыхъ зависитъ распространеніе учебниковъ. Профессоръ, который рѣшился бы теперь издать книгу въ родѣ прекрасныхъ трудовъ Тиндала о свѣтѣ, звукѣ и теплотѣ, привлекъ бы къ себѣ очень малое вниманіе и, забытый, прозябалъ бы въ провинціальной глуши.

Само собою разумѣется, что ученикъ рѣшительно ничего не понимаетъ изъ той китайщины, какую ему преподносятъ подъ именемъ науки или литературы. Онъ зазубриваетъ на память какіе то обрывки только для того, чтобы отвѣтить ихъ на экзаменѣ, а затѣмъ черезъ три мѣсяца все перезабыть. Этотъ печальный фактъ устанавливается и самимъ г. Липпма-

номъ передъ названной выше комиссіей, и въ этомъ случаѣ ему можно вѣрить, такъ какъ и деканъ университета г. Дарбу заявилъ, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ экзамена большинство бакалавровъ не умѣетъ рѣшать задачъ даже на тройное правило. Пришлось устроить въ Сорбоннѣ для бакалавровъ, подготовляющихся къ экзаменамъ по факультетскому курсу физико-естественныхъ наукъ, специальный курсъ по элементарной арифметикѣ.

Отъ всѣхъ этихъ съ такимъ трудомъ отзубренныхъ и такъ скоро позабытыхъ учебниковъ у молодежи, прошедшей курсъ лицея, только и остается, что сильное отвращеніе къ ученію и глубочайшее равнодушіе къ наукѣ. Это также подтверждаетъ и г. Липпманъ: «Научный духъ менѣе распространенъ во Франціи, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, менѣе, чѣмъ въ Америкѣ и Японіи. Національная промышленность глубоко страдаетъ отъ этого недостатка, дающаго себя чувствовать и въ другихъ областяхъ. Въ этомъ надо винить наше министерство народнаго просвѣщенія, которое ничего не хочетъ знать, кромѣ педагогики старыхъ временъ».

Все это совершенно вѣрно, но замѣчу еще разъ, что ни китайцы, ни іезуиты, ни бюрократы тутъ не при чемъ. Университетъ пользуется въ настоящее время неограниченной свободой. Правительственныя власти ни въ чемъ ему не отказываютъ и постоянно помогаютъ ему, переполняя его денежную кассу. Онъ же постоянно мѣняетъ свои программы, не измѣняя своихъ приѣмовъ обученія, т. е. поступаетъ совсѣмъ обратно тому, что слѣдовало бы дѣлать, и пока это будетъ такъ, будутъ оставаться плачевными и результаты обученія.

Трупа не воскресишь. Нѣтъ никакой надежды, чтобы нашъ университетъ могъ преобразиться, но если бы даже, вопреки всякому правдоподію, онъ пожелалъ бы измѣнить приемы обученія, то гдѣ онъ могъ бы найти учителей, необходимыхъ для осуществленія реформы? Можно ли рассчитывать, что эти учителя согласятся передѣлать весь складъ своего личнаго обученія. Нижеслѣдующій фактъ показываетъ, какъ трудно въ настоящее время во Франціи найти учителей, способныхъ обучать такъ, какъ обучаютъ студентовъ въ сосѣднихъ странахъ.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Эстонъ занялъ должность директора высшей телеграфной школы, дававшей

до того только ничтожные результаты, онъ тщетно пытался заставить профессоровъ измѣнить ихъ приемы обученія. Усилія его были совершенно безплодны, и ему пришлось рѣшиться перемѣнить профессорскій составъ, среди котораго были и очень видные профессора, а одинъ изъ нихъ былъ профессоръ Политехнической школы. Девять профессоровъ изъ тринадцати были удалены. Но было очень трудно найти замѣстителей, способныхъ вести обученіе съ пользою, и директору-новатору временами приходила мысль, не поискать ли такихъ учителей за границей. И вотъ остается, къ сожалѣнію, единственный совѣтъ, какой можно дать богатымъ семьямъ, это—посылать ихъ дѣтей для обученія въ Германію, Швейцарію и Америку. Надрывается душа, когда приходится сознать, что послѣ тѣхъ милліоновъ, какіе тратятся на обученіе во Франціи, мы должны учиться на чужбинѣ.

IV.

Несмотря на скудость высшаго образованія, какое получили многіе учителя среднихъ школъ, они обладаютъ большою природною смышленостью и преисполнены добрыхъ намѣреній, но совершенно безпомощны въ дѣлѣ обученія. Они примѣняютъ тѣ же приемы, какіе испытывали и на себѣ, и слѣдуютъ тѣмъ же программамъ, не зная, какъ отрѣшиться отъ нихъ. Изъ полученныхъ мною по секрету послѣ перваго изданія этой книги печальныхъ сообщеній можно заключить, что и сами профессора вполнѣ сознавали несостоятельность приемовъ обученія и отлично понимали, что ученики бесполезно теряютъ отъ 8 до 10 лѣтъ въ лицейхъ.

Подъ «воспитаніемъ» вообще разумѣютъ вкорененіе извѣстныхъ началъ нравственности и извѣстное развитіе умственныхъ способностей. Нравственнымъ воспитаніемъ въ заведеніяхъ учебнаго вѣдомства совершенно не занимаются. Изъ умственныхъ способностей только и развиваютъ одну память. Способности же: рассуждать, умозаключать, наблюдать, выбирать приемы для изслѣдованій и т. д. не принимаются во вниманіе при экзаменныхъ требованіяхъ и совершенно пренебрегаются.

Все обученіе въ среднихъ школахъ зиждется на учеб-

никахъ или на диктантахъ, которые ученики должны заучивать и пересказывать на память. «Я выказалъ очень смѣлую и только-только что терпимую инициативу», сказалъ мнѣ одинъ молодой учитель одного большого лицея, «демонстрируя ученикамъ при обученіи ботаникѣ расчлененныя на части растенія вмѣсто того, чтобы ограничиться диктовкою соотвѣтствующей номенклатуры». Всѣ прочія науки: физика, химія и т. д., преподаются такъ же, т. е. посредствомъ работы памяти. Нѣсколько приборовъ показываются ученикамъ издали, приборы эти очень рѣдко приводятся въ дѣйствіе, въ этомъ и вся уступка экспериментальному методу обученія, презираемому университетомъ, хотя и постоянно рекомендуемому имъ, но только въ теоріи. Мы увидимъ въ этой книгѣ, что литература, языки и исторія преподаются не лучше, чѣмъ науки.

Своими отжившими приемами Университетъ окончательно убилъ во Франціи охоту къ наукѣ и къ самостоятельнымъ изысканіямъ. Ученикъ терпѣливо заучиваетъ наизусть тяжеловѣсные учебники, пересказъ которыхъ ему открываетъ всѣ карьеры, не исключая и профессорской, но остается неспособнымъ ни къ какимъ изысканіямъ. Всѣ зачатки оригинальности и инициативы совершенно въ немъ заглушены. У насъ нѣтъ недостатка въ лабораторіяхъ, ихъ даже слишкомъ много, но онѣ почти не посѣщаются. Не самъ ли г. Липпманъ пришелъ въ изумленіе, что въ большой физической лабораторіи Сорбонны, лежащей тяжелымъ бременемъ на бюджетѣ страны, почти нѣтъ другихъ посѣтителей, кромѣ вьющихся свою паутину пауковъ. Думаетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, что это исключительно благодаря китайцамъ, іезуитамъ и бюрократамъ лабораторія всегда представляетъ собою пустыню.

Когда изрѣдка забредетъ въ одно изъ такихъ роскошныхъ и бесполезныхъ учрежденій какой либо кандидатъ, чтобы подготовиться къ защитѣ своей диссертации, можно быть почти увѣреннымъ, что эта первая его работа будетъ и послѣдней.

Университетъ, кромѣ того, не терпитъ ни малѣйшей независимости профессоровъ и не допускаетъ въ нихъ никакой предпримчивости. Самая малѣйшая попытка къ оригинальности бдительно и рабски пресѣкается у нихъ до самыхъ

мелочей. Вѣками монархическаго режима и католицизма въ насъ прочно вкоренились чиновныя іерархическія начала, но еще значительно глубже сидятъ они въ университетской средѣ. Это она создаетъ высшіе классы общества и держитъ настоящій ключъ ко всѣмъ карьерамъ. Кто не попалъ въ эту среду, тотъ не можетъ добиться ни до чего.

А вѣдь было время, когда еще не успѣлъ такъ разрастись университетскій режимъ, Франція давала свободныхъ ученыхъ, составлявшихъ ея гордость. Исслѣдователи не изъ присяжныхъ, сохранившіеся еще въ живыхъ, какъ слѣды исчезнущаго прошлаго, считаются лишь рѣдкими единицами. Лишенные средствъ для работы и видя передъ собой высящійся со всѣми своими присными университетъ, они отказываются отъ борьбы и никогда не будутъ замѣнены.

V.

Найдутся во Франціи тысячи способныхъ признать плачевное состояніе нашего обученія, но я сомнѣваюсь, чтобы среди нихъ оказался хоть десятокъ такихъ, кто могъ бы создать полезный проектъ учебныхъ реформъ. Такихъ не нашлось, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ парламентскою комиссіей, пытались преобразовать наше обученіе. Попытки эти, какъ извѣстно, привели къ такъ называемой *системѣ цикловъ* *), признанной въ настоящее время значительно худшею, чѣмъ предшествовавшій ей режимъ, который и самъ то былъ очень посредственнымъ.

«Пяти лѣтъ было достаточно», какъ писалъ очень недавно бывшій министръ г. Аното, «чтобы испытать и осудить систему цикловъ. Этихъ же пяти лѣтъ было также достаточно, чтобы доказать окончательно несовмѣстимость все еще не исчезнущаго духа старыхъ школьныхъ порядковъ съ новымъ режимомъ. Тутъ требуется опредѣленное рѣшеніе: пристрастію къ словамъ пришелъ конецъ, исключительно книжное обученіе отжило свое время... наши поколѣнія обращены въ толпу учениковъ, кандидатовъ, въ стадо соискателей разныхъ

*) Пропедевтическій и систематическій курсы. *Перев.*

ученыхъ степеней. Мнимое умственное и общественное превосходство опредѣляется искусствомъ повторять одни и тѣ же слова, одни и тѣ же жесты до 30-лѣтняго возраста и далѣе. Національная энергія усыпляется этимъ архаическимъ повтореніемъ задовъ: заучивать, переписывать, рассказывать наизусть».

Авторъ этотъ, какъ и многіе другіе, отлично выяснилъ зло, но, къ сожалѣнію, не нашелъ средствъ противъ него. Тѣ средства, какія онъ предлагалъ, совсѣмъ не примѣнимы.

Эта неспособность найти средство для искорененія зла, которое очевидно для cadaго, происходитъ подъ вліяніемъ руководящей нами наслѣдственности. Есть вещи, которыхъ латинскіе народы никогда не понимали и, вѣроятно, никогда и не будутъ въ состояніи понять. Другіе народы, у которыхъ наслѣдственно сложился характеръ не такой, какъ у насъ, отлично поняли сущность вещей, столь непостижимыхъ для насъ. Напримѣръ, вѣ всякаго сомнѣнія, что нѣмцы и американцы отлично справились съ задачей воспитанія. Японцы, свободные отъ наслѣдственныхъ путъ отжившихъ идеаловъ европейской старины, цѣликомъ восприняли нѣмецкій складъ въ работѣ, и извѣстно, какихъ высокихъ результатовъ они достигли и въ наукѣ, и въ промышленности, и въ военномъ дѣлѣ за какіе нибудь сорокъ лѣтъ.

Если читатель желаетъ вполне постигнуть, какая глубокая пропасть лежитъ между понятіями латинскихъ народовъ и народовъ другихъ расъ, я предлагаю ему прочесть нѣсколько рѣчей о воспитаніи *), произнесенныхъ недавно по одному случаю въ Англіи, и сравнить ихъ съ тѣмъ, что говорили профессора французскаго университета, хотя бы по тѣмъ выдержкамъ изъ ихъ рѣчей, какія я привелъ въ началѣ этого предисловія. Къ сожалѣнію, я могу привести не болѣе какъ слѣдующія очень короткія извлеченія изъ англійскихъ рѣчей.

«Всего болѣе долженъ бояться университетъ погони за *всезнѣніемъ*, т. е. долженъ избѣгать стремленія обогащать ученика познаніями о всемъ и о вся, никогда не проникающими

*) Онѣ были произнесены г. *Аскинтомъ* (Asquith) — министромъ финансовъ, г. *Гальданомъ* (Haldane) — военнымъ министромъ, г. *Литтельтономъ* (Lyttelton) — директоромъ Итонской школы. Сущность содержанія этихъ рѣчей можно найти въ англійскомъ журналѣ *Nature* отъ 17 января 1907 г.

глубоко въ его сознаніе. О томъ, какъ выполняютъ свою задачу школы учебнаго вѣдомства можно судить по тѣмъ приѣмамъ, какими пользуются онѣ для развитія въ ученикахъ умственныхъ способностей и охоты къ знанію».

Рекомендуя затѣмъ, съ своей стороны, экспериментальный методъ обученія, директоръ Итонской школы прибавляетъ: «преимущества этого метода заключаются въ томъ, что онъ неразлученъ съ постоянными упражненіями въ сообразительности, въ трудѣ, въ аккуратности, въ способности наблюдать вещи и въ проявленіи наиболѣе цѣнныхъ сторонъ воображенія».

Резюмируя всѣ эти рѣчи, редакторъ журнала, въ которомъ онѣ были помѣщены, высказалъ: «если методы обученія хороши, то учебный матеріалъ самъ по себѣ имѣетъ малое значеніе». Теперь всѣ единодушно порицаютъ чрезмѣрное, какъ бывало прежде, обремененіе памяти учеными и литературными фразами.

VI.

Безполезно будетъ болѣе останавливаться здѣсь на этихъ вопросахъ, когда они подробно разобраны далѣе въ этомъ трудѣ. Мы въ немъ увидимъ, какъ безплодны и тщетны всѣ наши проекты реформъ. Какъ бы ни измѣняли программы, что дѣлается непрестанно, сохраняли бы или нѣтъ ученую степень бакалавра, результаты все будутъ прежніе.

Они останутся тѣ же, повторяю я, потому, что приемы обученія не мѣняются. Нельзя требовать отъ профессоровъ, воспитанныхъ въ извѣстномъ духѣ, чтобы они измѣнили свой умственный складъ. Они таковы, какими ихъ сдѣлало высшее образованіе.

Именно это образованіе и нужно было бы измѣнить, но можно ли объ этомъ думать, если оно остается въ рукахъ не бюрократовъ, какъ хотѣлъ бы намъ внушить цитированный мною выше авторъ, а въ рукахъ самой же университетской среды.

Всѣ эти ученые разсужденія на тему объ обученіи имѣютъ только философскій интересъ. Единственно полезная реформа въ дѣлѣ высшаго обученія—рѣшительно невозможна во Франціи.

И въ самомъ дѣлѣ, нужно было бы сдѣлать обученіе совершенно свободнымъ, уменьшить на три четверти оклады содержанія, присвоенные факультетскимъ каедамъ, но предоставить, какъ въ Германіи, самимъ слушателямъ оплачивать своихъ профессоровъ. Только въ условіяхъ свободного обученія, при которомъ профессора могутъ широко выказывать свои педагогическія достоинства и способности къ научнымъ изысканіямъ, нѣмецкіе университеты набираютъ своихъ профессоровъ. Очевидно, какъ думается мнѣ, что если бы на нашихъ факультетахъ профессора и лаборанты оплачивались самими студентами *) и могли бы вести преподаваніе свободно, то въ силу уже простой конкуренціи имъ пришлось бы совершенно измѣнить приемы обученія, т. е. заставлять учениковъ работать въ реальной обстановкѣ, а не превращать науку въ страницы учебниковъ, въ чертежи и въ формулы. Тогда, и только тогда, наши профессора поймутъ, что весь секретъ воспитанія заключается въ томъ, что при обученіи нужно переходить отъ конкретнаго къ абстрактному, т. е. слѣдовать естественному порядку работы человѣческаго ума во времени, а не идти, какъ это дѣлается теперь, наперекоръ ему.

Очевидно, что французскій парламентъ, прикрываясь народовастіемъ, никогда не осмѣлится вотировать въ пользу такихъ мѣръ. Что же, однако, лучше для молодежи—даровое, но совершенно ненужное ей обученіе, или обученіе, оплачиваемое ею, но дающее зато ей въ дальнѣйшей жизни тѣ или другіе плоды? Нѣмецкая система оправдываетъ себя, наша—также оправдала себя. Тамъ научное и промышленное превосходство блещетъ, у насъ не менѣе того блещетъ упадокъ, выказывающійся все рѣзче и рѣзче съ каждымъ днемъ.

Но бремя нашихъ наслѣдственныхъ предрасудковъ слишкомъ тяжело, подъ этой тяжестью мы не въ силахъ пытаться осуществить только что указанныя мною реформы. Не къ свободѣ обученія мы идемъ, а все къ большему и большему закрѣпощенію его представителемъ государства, т. е.

*) Эта мѣра практикуется и у насъ, но едва ли она удачна. Удобно ли ставить профессоровъ въ непосредственную матеріальную зависимость отъ студентовъ? Можетъ быть было бы болѣе цѣлесообразнымъ оплачивать профессоровъ не изъ личныхъ средствъ студентовъ, а отъ казны, но пропорціонально числу слушателей, регистрируемыхъ для каждой отдѣльной лекціи по числу оплачиваемыхъ въ казну входныхъ билетовъ. Впрочемъ, и тутъ профессоръ остается въ нѣкоторой зависимости отъ студентовъ, хотя и косвенно. *Перев.*

учебнымъ вѣдомствомъ. Въ настоящее время всѣ партіи во Франціи только и чтутъ единое божество—всеопекающее государство. Нѣтъ ни кого, кто бы постоянно не просилъ для насъ оковъ государственной опеки.

Итакъ, приходится смириться и сносить нашъ Университетъ. Онъ останется громадной фабрикой бесполезныхъ людей, неудачниковъ и революціонеровъ до того, вѣроятно, очень отдаленнаго времени, когда сознаніе общества пробудится, и оно, понявъ все то разложеніе и тотъ упадокъ, какіе производитъ Университетъ, рѣшительно отвернется отъ него или безпощадно разрушить его.

Въ заключеніе этого очень длиннаго предисловія я повторю одну страницу, какою я закончилъ двадцать лѣтъ тому назадъ одинъ мой трудъ о томъ значеніи, какое можетъ имѣть обученіе. Эта страница такъ же кстати теперь, какъ и тогда, и останется въ силѣ еще лѣтъ пятьдесятъ.

«Воспитаніе—почти единственный факторъ, какимъ располагаетъ человѣчество для развитія общественнаго строя, и опытъ различныхъ странъ показалъ, какихъ результатовъ оно можетъ достигать. Съ чувствомъ глубокой скорби мы видимъ, что это единственное средство для улучшенія нашей расы въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ только и служить у насъ для пониженія умственнаго склада и для развращенія.

А онъ, этотъ старый Университетъ, ветхая, сохранившаяся отъ прошлаго развалина, каторга для молодежи—всетаки держится. Я не сторонникъ разрушеній, но когда я вижу все то зло, какое причинялъ Университетъ, и сравниваю съ тѣмъ добромъ, какое онъ могъ бы сдѣлать, когда я думаю объ этихъ безплодно пропавшихъ чудныхъ годахъ юности, о томъ, сколько умственныхъ способностей заглушено, сколько характеровъ забито навсегда, мнѣ приходитъ на мысль негодующее проклятіе, обращенное старикомъ Катонмъ къ сопернику Рима, и мнѣ хочется повторить: *delenda est Carthago*» *).

*) Карфагенъ долженъ быть разрушенъ.

Психологія виховання.

ВВЕДЕНІЕ.

Парламентское разслѣдованіе по поводу реформы въ области обученія.

Документальное значеніе разслѣдованія. Психологическіе принципы, руководившіе свидѣтельными показаніями. Обсуждались только программы, а не приемы обученія. Призрачное значеніе программъ. Признаваемое Университетомъ *) за ними могущество. Онъ мало придаетъ значенія методамъ. Почему производившіе разслѣдованіе легко усмотрѣли низкій уровень нашего вихованія и почему отъ нихъ ускользнули причины этого явленія. Причины, которыя въ настоящее время дѣлають реформы невозможными. Мечты и пожеланія родителей. Умственный складъ профессоровъ. Какимъ образомъ вырабатываются во Франціи профессоры и тѣ, кого они обучаютъ. Какъ вырабатываются тѣ и другіе въ Германіи. Цѣль этой книги.

I.

Обнародованное нѣсколько лѣтъ тому назадъ парламентское разслѣдованіе по поводу реформы средняго образованія представляетъ собою наиболѣе полный документъ для справокъ относительно современнаго состоянія обученія въ среднихъ школахъ и достигаемыхъ имъ результатовъ. Психологъ,

*) Напомнимъ читателю примѣчаніе на стр. 3-й: подъ словомъ „Университетъ“ разумѣется вся корпорація профессоровъ и учителей; послѣдніе именуются также профессорами. *Перев.*

который пожелалъ бы знать, какія идеи господствуютъ во Франціи по такому капитальнѣйшему вопросу, какъ образованіе, долженъ обратиться къ шести толстымъ томамъ, въ которыхъ собраны всѣ заявленія лицъ, принимавшихъ участіе въ совѣщаніяхъ парламентской комиссіи. Тутъ свободно высказывали свои мнѣнія и предлагали свои проекты и профессоръ учебнаго вѣдомства, и учителя школъ, состоящихъ при разныхъ религіозныхъ общинахъ (*l'enseignement congréganiste*), и ученые, и просто образованные люди, и члены генеральныхъ совѣтовъ *), и представители торговыхъ палатъ и др.

Разобравшись въ этихъ томахъ, читатель получить ясное представленіе не о тѣхъ, конечно, реформахъ, какія нужно было бы ввести, но о томъ, по крайней мѣрѣ, каковъ умственный складъ тѣхъ, кто ихъ предлагалъ. Всѣ они принадлежать къ сливкамъ интеллигенціи, которая обыкновенно носятъ особый отпечатокъ, присущій правящимъ классамъ.

И достоинства, и недостатки нашей расы такъ и сквозятъ на каждой страницѣ этого «разслѣдованія». Самому тонкому психологу пришлось бы много лѣтъ наблюдать, чтобы открыть то, чему онъ можетъ научиться въ шести томахъ этого «разслѣдованія».

Хотя всѣ проекты реформъ и не выходятъ изъ круга идей, отъ которыхъ не можетъ отрѣшиться латинскій духъ, они были безчисленны. И между тѣмъ, не было ни одного изъ нихъ, который удовлетворилъ бы всѣхъ. Съ одинаковымъ обиліемъ доказательствъ, предполагаемыхъ неопровержимыми, весьма авторитетныя лица защищали самыя противоположныя мнѣнія. Нѣкоторые видятъ все спасеніе въ отмѣнѣ обученія древнимъ языкамъ. Другіе, напротивъ, находятъ, что все пошло бы отлично, если бы обученіе этимъ языкамъ, особенно латинскому, было усилено, потому, какъ они увѣряютъ, что «короткое знакомство съ латинскимъ гениемъ прививаетъ общія и универсальныя идеи». Выдающіеся ученые, не особенно ясно представляющіе себѣ, что это за «общія и универсальныя идеи», которыхъ никогда не удавалось опредѣлить, требуютъ исключительнаго преподаванія

*) Въ родѣ нашихъ губернскихъ земскихъ собраній. *Перев.*

точных наукъ, а другіе, не менѣ выдающіеся, спѣшать заявить, что это обученіе погрузило бы насъ въ непроглядную тьму умственного варварства. Каждый изъ нихъ для осуществленія своихъ собственныхъ идей требуетъ коренной ломки программъ.

Но если всѣ участники этого «разслѣдованія» единодушно требовали измѣненія программъ, то не нашлось никого, кто догадался бы потребовать измѣненій въ приѣмахъ обученія тому матеріалу, какой указанъ въ этихъ программахъ.

Казалось бы, эта сторона вопроса наиболѣе существенна, а она и не обсуждалась профессорами, дававшими свои разъясненія въ парламентской комиссіи. Всѣ горячо вѣруютъ только въ благотѣльную силу программъ и не вѣрятъ въ могущество новыхъ методовъ. Сами, воспитанные исключительно на извѣстныхъ приѣмахъ, они не допускаютъ, что приѣмы могутъ быть и другіе.

Что болѣе всего меня изумляетъ при чтеніи шести толстыхъ томовъ «разслѣдованія», такъ это то, что столько выдающихся людей пребываетъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи основныхъ психологическихъ принциповъ, на которыхъ должно покоиться образованіе и воспитаніе. Это происходитъ, конечно, не отъ недостатка тутъ руководящей идеи. Она у нихъ имѣется и въ ихъ глазахъ является настолько общепризнанной и очевидной, что, казалось бы, и оспаривать ее бесполезно.

Эта руководящая идея, классическая опора нашего высшего обученія, состоитъ въ слѣдующемъ: единственно только посредствомъ памяти постигаются и усваиваются знанія умомъ. Только и можно воспитать и образовать ребенка, работая надъ его памятью. Отсюда—важное значеніе хорошихъ программъ и порождаемыхъ ими хорошихъ учебниковъ. Заучиваніе наизусть уроковъ и учебниковъ должно составлять самое существенное основаніе обученія.

Такой способъ пониманія, конечно, является наиболѣе опаснымъ и наиболѣе роковымъ изъ всѣхъ, какіе можно было бы назвать капитальными заблужденіями Университета. Отъ нескончаемой длительности этого заблужденія среди латинскихъ народовъ и происходитъ неоспоримый упадокъ ихъ образованія и воспитанія.

Наступить время, когда психологи придутъ въ глубокое изумленіе, что собиралось столько полныхъ знанія и опыта людей для обсужденія необходимыхъ въ дѣлѣ обученія реформъ и никто не подумалъ возбудить нижеслѣдующіе вопросы:

Какимъ образомъ вещи познаются и усваиваются умомъ? Что остается отъ того, что берется единственно только памятью? Проченъ ли набранный памятью запасъ?

Этотъ послѣдній вопросъ, казалось бы, долженъ быть выясненъ давнымъ-давно. Если бы и оставались какія-либо сомнѣнія, то они окончательно разсѣяны «разслѣдованіемъ». Разъ заявленія наиболѣе авторитетныхъ профессоровъ единодушно устанавливають, что студенты, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ экзаменовъ, рѣшительно не знаютъ ничего изъ того, чему учились, то значить опытомъ доказано, что пріобрѣтенныя памятью знанія удерживаются въ ней очень недолго.

Значить несомнѣнно, что основные пріемы нашего образованія и университетскаго воспитанія непригодны, и надо поискать другіе. Участники въ работахъ по «разслѣдованію» могли бы оказать дѣлу существенныя услуги, если бы они подвергли критическому изученію эти другіе пріемы вмѣсто того, чтобы вести византійскіе споры объ измѣненіяхъ программъ.

Но, такъ какъ они этого не сдѣлали, то постараемся сдѣлать это мы, въ этой книгѣ. Мы въ ней покажемъ, что всякое воспитаніе есть искусство превращать сознательное въ безсознательное и что это достигается путемъ созданія такихъ рефлексовъ, которые вызываються повторными ассоціаціями, причемъ память чаще всего играетъ лишь самую незначительную роль. Умѣлый воспитатель знаетъ, какъ вызывать рефлексъ полезные и уничтожать опасные или безполезные.

Такимъ образомъ все воспитаніе держится на нѣсколькихъ весьма простыхъ психологическихъ понятіяхъ. Если они усвоены, то служатъ путеводною звѣздой въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Эти понятія, инстинктивно усвоенныя извѣстной частью иностранныхъ воспитателей, до такой степени неизвѣстны во Франціи, что положенія, заключающіяся въ нихъ, весьма часто кажутся у насъ нетерпимо парадоксальными.

II.

Итакъ, всѣ разсужденія въ «разслѣдованіи» относятся почти исключительно къ измѣненію программъ.

Даже не выждали результатовъ этого «разслѣдованія» для измѣненія этихъ несчастныхъ программъ—виновниковъ всѣхъ золь. Такая традиціонная реорганизация нашего обученія повторилась за послѣднія тридцать лѣтъ съ полдюжины разъ. Постоянныя неудачи этихъ попытокъ не вразумили никого насчетъ ихъ бесполезности.

Преклоненіе передъ чудотворной силой программъ—это наиболѣе курьезное и типичное проявленіе того неизлѣчимаго заблужденія латинскихъ народовъ, за какое мы цѣлый вѣкъ дорого платились, что будто вещи могутъ измѣняться посредствомъ кучи разныхъ учреждений, навязанныхъ разными постановленіями. Идетъ ли рѣчь о политикѣ, о колонизаціи, или о воспитаніи, этотъ гибельный принципъ всегда примѣняется столь же упорно, сколь и безуспѣшно. Новые законы, призванные обезпечивать наше счастье, такъ же очень многочисленны и, развѣбѣется, такъ же совершенно бесполезны, какъ программы, обезпечивающія—де наше превосходное образованіе. Какъ кажется, латинскія націи только и могутъ проявлять свою стойкость въ своихъ заблужденіяхъ.

Единственно въ чемъ всѣ заявленія при парламентскомъ разслѣдованіи оказались въ полномъ взаимномъ согласіи, такъ это относительно результатовъ образованія и воспитанія въ школахъ учебнаго вѣдомства. Почти единодушно эти результаты признаны отвратительными. Слѣдствія у всѣхъ на глазахъ, и потому всякій безъ труда ихъ разглядѣлъ. Причины обнаруживаются куда какъ труднѣе, и потому ихъ не примѣтили.

Всѣ тѣ, кто дѣлалъ заявленія въ комиссіи, разсуждали подъ вліяніемъ традиціонныхъ идей своей расы, о непреодолимой силѣ которыхъ говорилось мною въ другомъ мѣстѣ. Только при томъ ослѣпленіи, какое производятъ эти идеи, и можно было не досмотрѣть, что въ печальныхъ результатахъ нашего обученія программы не при чемъ, что при такихъ же почти программахъ у другихъ народовъ, напр. у нѣмцевъ, достигаются совсѣмъ иные результаты.

Очень поблекшимъ вышелъ изъ этого «разслѣдованія» нашъ старый Университетъ. Онъ даже не находитъ болѣе защитниковъ себѣ среди имъ же воспитанныхъ профессоровъ.

Глубокое ихъ разномысліе во всѣхъ касающихся обученія вопросахъ, безсиліе продѣланныхъ ими реформаторскихъ попытокъ, постоянныя перемѣны программъ показываютъ, что немногого можно ждать отъ Университета. Въ настоящее время онъ напоминаетъ собою корабль безъ руля и безъ вѣтриль въ бурныхъ волнахъ океана. Кажется, онъ уже болѣе не способенъ сознать ни того, чего собственно онъ хочетъ, ни того, что онъ можетъ сдѣлать, вертится безъ устали и безъ передышки въ передѣлкахъ словъ, не разумѣя, что методы его, самый духъ его чувствительно состарились и не соотвѣтствуютъ ни одной изъ современныхъ потребностей. Онъ не дѣлаетъ ни одного шага впередъ безъ того, чтобы сейчасъ же не сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ. Сегодня онъ отмѣняетъ обученіе латинскимъ стихамъ, а завтра замѣняетъ того онъ вводитъ обученіе латинскому стихосложенію. Онъ создаетъ такъ называемое современное обученіе, въ которомъ мертвые языки замѣнены живыми, но преподаваніе этихъ послѣднихъ ведетъ тѣмъ же порядкомъ, какой былъ при обученіи мертвымъ языкамъ, не заботясь ни о чемъ другомъ, какъ только о хитроумныхъ тонкостяхъ грамматики и теоріи словесности, результатомъ чего и выходитъ, что изъ 100 учениковъ, прошедшихъ семилѣтній курсъ, едва ли найдется одинъ, который могъ бы читать иностранную газету, не обращаясь за каждымъ словомъ къ словарю. Онъ думалъ, что дѣлаетъ крупную реформу, согласясь уничтожить бакалаврскіе дипломы, но тотчасъ же онъ предложилъ замѣнить ихъ другими дипломами, отличающимися отъ первыхъ не болѣе какъ своимъ названіемъ — *свидѣтельство о прохожденіи наукъ* (certificat d'études). Перемѣны въ словахъ, какъ кажется, это тотъ возможный предѣлъ, далѣе котораго не могутъ идти учебныя реформы. И Университетъ пришелъ въ то состояніе предсмертной дряхлости старика, которое уже не можетъ болѣе измѣняться.

То, чего Университетъ, къ сожалѣнію, не усматриваетъ, то, чего уже совсѣмъ не видѣли сотрудники «разслѣдованія», такъ какъ это было внѣ круга неодолимыхъ для нихъ расовыхъ понятій, о которыхъ я говорилъ выше, такъ это то, что не программы нужно мѣнять, но, что гораздо важнѣе, нужно измѣнить приемы, какими пользуются при обученіи указанному въ программахъ матеріалу.

Традиційные приёмы обученія отвратительны. Нѣкоторые изъ глубокихъ мыслителей, какъ напр. Тэнъ, уже высказывались въ сильныхъ выраженіяхъ въ этомъ смыслѣ. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ книгъ знаменитый историкъ указалъ, что нашъ Университетъ—это истинное общее несчастье, бѣдствіе, ведущее насъ медленно къ упадку. Не для публики, впрочемъ, эти бредни философовъ. «Разслѣдованіе» доказало, что эти бредни—ужасная дѣйствительность.

Если причины упадка университетскаго образованія ускользнули отъ большинства наблюдателей, то что касается самого упадка, то о немъ заявлялось много разъ до «разслѣдованія». Много лѣтъ тому назадъ Генрихъ Девиль на одномъ изъ публичныхъ засѣданій Академіи Наукъ выразился такъ: «я состою давно уже на службѣ въ Университетѣ, я выхожу въ отставку и что же,—говорю откровенно, по совѣсти, что думаю: Университетъ при той организаціи, какую онъ имѣетъ теперь, приведетъ насъ къ безусловному невѣжеству».

На томъ же засѣданіи Академіи знаменитый химикъ Дюма сказалъ: «давно уже признано, что практикующійся въ нашей странѣ способъ обученія не можетъ продолжаться безъ того, чтобы не привести къ упадку».

И почему же такія строгія осужденія, столько разъ высказанныя по адресу Университета наиболѣе авторитетными учеными, никогда не вызывали ничего, кромѣ постоянныхъ и бесполезныхъ переѣнъ программъ? Какія таинственныя причины служили всегда помѣхой къ проведенію какой нибудь полезной реформы? Выяснить эти причины не трудно.

III.

Невыгодныя стороны легко замѣчаются и критикуются въ чемъ бы то ни было, будь то учрежденіе, или воспитаніе. Эта отрицательная критика доступна для умовъ очень скромныхъ, непритязательныхъ. Что уже совсѣмъ недоступно для такихъ умовъ, такъ это—разоблаченіе того, что можетъ быть измѣнено при условіяхъ вліянія разныхъ факторовъ, какъ напр. расы, среды и т. д., которые прочно поддерживаютъ все, что создано прошлымъ. Чутье къ возможному—

это одно изъ такихъ природныхъ дарованій, какимъ, къ несчастью, латинскіе народы, особенно французы, болѣе всего обдѣлены.

Когда близко ознакомишься съ коренными реформами, предложенными разными лицами на совѣщаніяхъ при «разслѣдованіи», то очень легко доказать не то вовсе, что онѣ теоретически несостоятельны (это, впрочемъ, и не представляетъ какого либо интереса), а то, что нѣтъ никакихъ шансовъ на осуществленіе ихъ. Ни одна изъ этихъ реформъ по разнымъ причинамъ, какъ увидимъ далѣе, не можетъ пройти въ жизнь. Главною изъ такихъ причинъ является всемогущее по нынѣшнимъ временамъ общественное мнѣніе, на которое натолкнется каждая изъ предложенныхъ реформъ. Ужь хуже нашего обученія и особенно практикуемыхъ при обученіи приѣмовъ ничего, кажется, и быть не можетъ, но это обученіе и эти приѣмы отвѣчаютъ потребностямъ общества, создавшимся, впрочемъ, при содѣйствіи этого же самаго обученія.

Стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на нѣкоторыя изъ внушавшихъ къ себѣ довѣріе реформы, чтобы понять, до какой степени онѣ неосуществимы на практикѣ.

Предлагаютъ, напр., перевести лицеи изъ городовъ въ села, какъ это дѣлается съ незапамятныхъ временъ у англичанъ, и предоставить, наконецъ, ученикамъ и чистый воздухъ, и просторъ для игръ. Казалось бы, реформа эта превосходна, но, какъ показываютъ собранныя при «разслѣдованіи» статистическія данныя, нѣсколько лицеевъ, устроенныхъ въ деревняхъ съ большою роскошью, при огромныхъ затратахъ, не заполняются учениками, потому что живущіе въ городахъ родители хотятъ имѣть своихъ дѣтей при себѣ, и реформа оказалась не практичною. Какимъ же образомъ, въ самомъ дѣлѣ, заставить родителей смотрѣть на этотъ вопросъ иначе?

Предлагаютъ также замѣнить въ обученіи бесполезные мертвые языки живыми, очень полезными. Легко соглашаться на такіе проекты, но какъ ихъ осуществлять, когда, какъ показало «разслѣдованіе», никто иной, какъ сами родители энергично поддерживаютъ древніе языки, оставаясь, какъ думается мнѣ, при убѣжденіи, что эти языки создаютъ въ ихъ сыновьяхъ какое то благородство, отличающее ихъ отъ черни. Какимъ образомъ государство можетъ разсѣять эту иллюзію?

Предлагають намъ еще предоставить ученикамъ, такъ тѣсно скученнымъ и такъ опекаемымъ въ школахъ, хоть немножко той самостоятельности, той предприимчивости, какія предоставлены ученикамъ у англичанъ. Ничего лучшаго, конечно, и желать было бы нельзя. Но можно ли требовать такихъ попытокъ отъ директоровъ лицеевъ, когда мы въ «разслѣдованіи» читаемъ, что суды разоряютъ несчастныхъ директоровъ непосильными штрафами за тѣ случаи, когда дѣти, играющіе на свободѣ, какъ нибудь ушибутся или поранятъ себя.

Одною изъ наивнѣйшихъ реформъ, за которую, впрочемъ, стояло большинство, является уничтоженіе степени бакалавра. Взамѣнъ того хотѣли было установить переходные экзамены въ концѣ каждаго года, т. е. какъ бы создать семь или восемь послѣдовательныхъ степеней. Эта мѣра, какъ думали, помѣшаетъ плохимъ ученикамъ продолжать безъ пользы весь лицейскій курсъ и терять безплодно свое время на школьной скамьѣ. Въ теоріи, можетъ быть, это предложеніе и превосходно, но какъ призрачно оно на практикѣ! Собранныя г. Бюисономъ статистическія цифры говорятъ, что ежегодно на 5000 молодыхъ людей, получающихъ степень бакалавра, набирается приблизительно и 5000 воспитанниковъ, не выдержавшихъ экзамена, т. е. 5000 молодыхъ людей, совершенно попусту потерявшихъ свое время. Это даетъ весьма жалкое понятіе о преподавателяхъ и учебныхъ программахъ, достигающихъ такихъ результатовъ. Но гдѣ же такіе лицеи, которые въ трудной борьбѣ съ учебными заведеніями духовныхъ конгрегацій и вѣчнымъ дефицитомъ въ своемъ бюджетѣ, отважились бы терять 5000 воспитанниковъ въ годъ! Тѣ лица, которыя рѣшились бы постановить такое повальное исключеніе — какимъ не замедлили бы воспользоваться духовныя школы — подверглись бы такимъ проклятіямъ со стороны родителей и такому давленію со стороны властей народнаго представительства, что принуждены были бы сдѣлаться довольно-таки снисходительными, чтобы всѣ ученики могли продолжать свое ученіе. И вскорѣ возстановился бы порядокъ вещей точъ въ точъ такой же, какой онъ и теперь.

Другіе реформаторы предлагаютъ намъ перенять англійскую систему воспитанія, отличающуюся отъ нашей неоспоримымъ превосходствомъ въ отношеніяхъ развитія характеровъ, упражненія въ предприимчивости, укрѣпленія силы воли

и еще, что вообще забываютъ отмѣтить, укорененія дисциплины въ ученикахъ. Реформа эта, превосходная въ теоріи, была бы рѣшительно неосуществима. Какимъ образомъ система воспитанія, подходящая къ потребностямъ народа, обладающаго извѣстными наслѣдственными качествами, можетъ быть пригодна для народа съ совсѣмъ другими свойствами. Опытъ не продержался бы, впрочемъ, и трехъ мѣсяцевъ. У насъ родителей, къ которымъ пришлютъ изъ лица сына совершенно одного, безъ провожатаго, который могъ бы взять ему желѣзнодорожный билетъ въ кассѣ, или могъ бы усадить его въ omnibusъ, или напомнить ему, что холодно и необходимо надѣть пальто, или зорко слѣдить, что бы онъ не попалъ подъ колеса поѣзда, или не былъ бы раздавленъ экипажами, или незамѣтно наблюдать, когда онъ играетъ на свободѣ въ мячъ съ своими товарищами—такихъ родителей во Франціи нѣтъ. Если бы ихъ блѣдные отпрыски, подчиняясь режиму англійскаго воспитанія, исполняли свои обязанности какъ хотѣли и когда пожелали, отдавались наиболѣе бурнымъ и наиболѣе опаснымъ играмъ безъ гувернерскаго надзора, выходили со двора по своему усмотрѣнію и т. д., посыпались бы единодушные протесты. При первомъ несчастномъ случаѣ разнесся бы страшный вопль родителей и вмѣстѣ съ ними застонала бы вся пресса. Немедленно былъ бы сдѣланъ запросъ министру, и онъ, изъ страха быть смѣщеннымъ, принужденъ былъ бы возстановить старые порядки. Съ одной знакомой мнѣ почтенной матерью приключился рядъ сильныхъ нервныхъ припадковъ, она угрожала разводомъ своему мужу за то, что онъ, по моему совѣту, предложилъ послать ихъ сына, закончившаго классъ реторики, провести каникулярное время въ Германіи, чтобы тамъ немного подучиться нѣмецкому языку. Пустить въ путешествіе совершенно одного бѣднаго маленькаго мальчика 18-ти лѣтъ! Нужно не имѣть отцовскихъ чувствъ, чтобы придумать такой проектъ. Безчувственный отецъ отказался отъ своего предложенія и при томъ очень скоро.

Можетъ быть, эта почтенная дама была отчасти и права, что сомнѣвалась, способенъ ли будетъ ея сынъ управиться одинъ въ самомъ маленькомъ путешествіи. Не обладая такою способностью ни наслѣдственно, ни по воспитанію, откуда онъ могъ бы ее пріобрѣсти?

Если англичане не нуждаются ни въ чьей помощи, поступаютъ во всемъ самостоятельно, такъ это потому, что они наслѣдственно обладаютъ тою внутреннею дисциплиною, которая позволяетъ имъ управляться самимъ собою. Нѣтъ другого народа, который былъ бы болѣе дисциплинированъ, болѣе почтителенъ къ традиціямъ и установившимся обычаямъ. И это именно потому, что въ нихъ сидитъ внутренняя дисциплина, они не нуждаются въ постоянной опеки. Эти наслѣдственные качества поддерживаются и развиваются суровымъ физическимъ воспитаніемъ, при которомъ не безъ того, чтобы молодому человѣку не приходилось рисковать нѣкоторыми случайностями, какимъ не согласится предоставить свое робкое дитя ни одинъ французскій родитель.

Нужно же, наконецъ, втолковать себѣ, что при тѣхъ идеяхъ, какія господствуютъ во Франціи, очень небольшое можетъ быть измѣнено въ нашей системѣ образованія и воспитанія прежде, чѣмъ наступитъ перемѣна въ самомъ общественномъ мнѣніи.

Оставимъ же совершенно въ сторонѣ наши широкіе проекты реформъ. Они не болѣе, какъ матеріалъ для безплодныхъ рѣчей. Примемъ въ соображеніе, что наши программы передѣлывались очень много разъ безъ всякаго успѣха. И особенно обратимъ наше вниманіе на то, что нѣмцы, пользуясь программами, очень мало отличающимися отъ нашихъ, сумѣли добиться такого прогресса и въ наукахъ, и въ промышленности, какой поставилъ ихъ во главѣ всѣхъ народовъ. Вглядимся пристально въ эти неопровержимые факты и по достаточномъ размышленіи о нихъ мы, можетъ быть, придемъ къ заключенію, что всѣ программы безразличны, но то, что можетъ быть хорошо или дурно, такъ это приемы пользованія ими. Программы ничего не означаютъ, и ничего цѣлебнаго въ нихъ нѣтъ.

Учебныя программы, взятые въ отдѣльности или вмѣстѣ, указываютъ въ сущности, если выразиться кратко, тѣ начала наукъ, литературы и исторіи и тѣ языки, древніе или новые, которымъ нужно обучить молодыхъ людей. Приемы обученія, не достигающіе этой цѣли, негодны, и можно измѣнять программы безконечно, удлинять ихъ съ одного конца, укорачивать съ другого, результаты не улучшатся. Въ тотъ день, когда эта истина будетъ хорошо усвоена, учителя начнутъ

догадываться, что это ихъ методы, а не программы, слѣдовало бы измѣнить. До тѣхъ же поръ, пока она не проникнетъ въ мозги настолько глубоко, чтобы стать побудительной причиною, мы твердо будемъ оставаться при тѣхъ же заблужденіяхъ, и никто и не замѣтитъ, что образованіе, какъ языкъ Эзопа, можетъ быть и самою лучшею, и самою худшею вещью *).

Вся польза, какую можно приписать программамъ, состоитъ въ томъ, что чѣмъ онѣ будутъ короче, тѣмъ онѣ будутъ лучше. Полная учебная программа не должна бы превосходить 25 строкъ, изъ которыхъ нѣсколько было бы посвящено указанію, что ученикъ долженъ изучать въ каждой наукѣ лишь малое число положеній, но за то долженъ ихъ усвоить прочно.

IV.

Читатель начинаетъ, конечно, замѣчать, насколько велики невидимыя препятствія къ осуществленію во Франціи коренной реформы обученія, а между тѣмъ мы не коснулись еще одного изъ нихъ, самаго грознаго, самаго, быть можетъ, упорнаго: умственного склада учителей.

Парламентская комиссія ни разу не задѣла этой стороны вопроса, да она, пожалуй, и не могла этого сдѣлать. Будучи убѣждены, что учителя, преисполненные книжной науки и надѣленные дипломами, уже только по одному этому должны быть превосходны, члены комиссіи не могли и предположить, что вопросъ объ учителяхъ и о средствахъ для ихъ подготовки могъ бы быть предметомъ какого либо обсужденія.

А между тѣмъ этотъ то вопросъ и есть тотъ не замѣченный пунктъ, въ которомъ завязанъ главный узелъ возможныхъ реформъ обученія.

*) Съ точки зрѣнія прискорбныхъ результатовъ, какіе можетъ дать плохо приновренное къ потребностямъ народа образованіе, и чтобы судить въ какой мѣрѣ оно дѣлаетъ неуравновѣшенными и развращаетъ тѣхъ, кто его получилъ,—никогда не будетъ лишнимъ подумать надъ опытомъ обученія, продѣланнымъ англичанами въ широкихъ размѣрахъ въ Индіи. Результаты этого опыта я изложилъ во вступительной рѣчи, произнесенной мною на колоніальномъ конгрессѣ 1889 г. въ качествѣ одного изъ предсѣдателей послѣдняго. (См. *Revue scientifique*, августъ 1889 г.). Существенныя мѣста этой рѣчи вкратцѣ приведены въ новомъ изданіи моей книги *Les Civilisations de l'Inde*. Система обученія и воспитанія, превосходная для англичанъ, которую поэтому они полагали возможнымъ примѣнять съ пользою и къ индусамъ, оказалась совсѣмъ отвратительной для послѣднихъ.

Комиссія осыпала учителей цвѣтами, а программы проклятіями. Было бы, пожалуй, правильнѣе сдѣлать это наоборотъ. Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что подъ вліяніемъ какой то магической силы исчезли всѣ указанные нами стоящіе на пути реформъ препятствія. Предразсудки въ семьяхъ разсѣялись, программы вмѣстѣ съ приѣмами обученія созданы превосходныя. Думаете ли вы, что все переменится? Ничуть, рѣшительно ничего не можетъ измѣниться.

Но почему же? Да просто потому, что умственный складъ учителей, созданныхъ посредствомъ университетскихъ приѣмовъ, не способенъ измѣняться. Воспитанные на этихъ приѣмахъ, они не способны примѣнять другіе и не могутъ даже представить ихъ себѣ. Всѣ они достигли такого возраста, въ которомъ ужъ нельзя перевоспитаться. Они, конечно, съ покорностью примутъ переменъ въ программахъ, какъ не разъ это дѣлали до сихъ поръ, они нижайшимъ образомъ преклонятся передъ министерскими циркулярами, но учить то будутъ продолжать по прежнему, какъ всегда учили, потому что иначе вести дѣло они и не могутъ.

Показанія свидѣтелей при «раслѣдованіи», которыя мы приведемъ въ этой книгѣ, дадутъ поразительный примѣръ безпомощности учителей измѣнить свои приемы обученія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ министръ народнаго просвѣщенія, Леонъ Буржуа, возмечталъ единолично предпринять учебную реформу, установивъ то, что въ отличіе отъ классическаго образованія называютъ современнымъ образованіемъ, заканчивающимся особой степенью бакалавра, которая давала приблизительно тѣ же права, что и степень бакалавра при классическомъ образованіи. Древніе языки были замѣнены живыми, обученіе наукамъ было усилено. Все въ программахъ было превосходно. Недоставало только способныхъ учителей для выполненія ихъ. Обученіе живымъ языкамъ велось такъ же точно, какъ и мертвымъ, заботились только о грамматическихъ тонкостяхъ. Науки изучались заучиваніемъ учебниковъ. Достигнутые результаты, какъ это мы увидимъ, были въ концѣ концовъ самые посредственные.

Нужно отдать справедливость книжной учености нашихъ профессоровъ. Все, что можно выучить наизусть, они выучили, но ихъ педагогическая цѣнность совершенно ничтожна. На

это намекалось иногда во время «разслѣдоваіа», хотя очень робко. Лишь въ сторонѣ отъ этого «разслѣдоваіа» нашлись умы, у которыхъ хватило самостоятельности разоблачить то состояніе вещей, какое въ настоящее время становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Иностранцы, посѣщавшіе наши учебныя заведенія и побывавшіе на урокахъ, еще сильнѣе были поражены педагогическимъ ничтожествомъ учителей нашего учебнаго вѣдомства. Максъ Леклеркъ цитируетъ по этому поводу выдержку изъ журнала „Revue Internationale de l'Enseignement“, въ которомъ приведено мнѣніе одного иностраннаго профессора, посѣтившаго много нашихъ учебныхъ заведеній, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи. Онъ «встрѣтилъ много ученыхъ людей... очень мало учителей и воспитателей». Что же касается директоровъ и инспекторовъ лицеевъ, то онъ ихъ нашелъ «мало просвѣщенными, претенціозными, неумѣлыми и съ узкими понятіями».

Не сегодня только создалась такая критика. Вотъ что писалъ тридцать лѣтъ тому назадъ г. Бреаль, профессоръ въ Collège de France, о нашемъ учительскомъ составѣ:

Университетская корпорація въ 1810 г. почти что была выразителемъ идей общества. Въ 1848 г. она уже настолько отстала, что иностранный наблюдатель могъ написать: „Словіе профессоровъ во Франціи до такой степени застыло, что было бы невозможно найти другую корпорацію, которая въ такое время общаго прогресса и въ такой неподвижнѣйшей націи въ мірѣ довольствовалась бы въ такой мѣрѣ избитыми путями, такъ высокоумно и тщеславно отклоняла бы всякій иностранный методъ и усматривала бы переворотъ въ самыхъ незначительныхъ измѣненіяхъ“. Со дня выхода въ свѣтъ книги, изъ которой мы извлекаемъ эти строки, протекло двадцать четыре года: указанное въ ней изображеніе нашей педагогической среды осталось вѣрнымъ во многихъ отношеніяхъ, но недостатки усилились, а пробѣлы сдѣлались еще замѣтнѣе.

Въ чемъ кроются причины того неоспоримаго явленія, что педагогическія способности нашихъ учителей и профессоровъ недостаточны *)? Онѣ попросту заключаются въ тѣхъ методахъ, на которыхъ учителя и профессора сами воспитались. Они обучаютъ тому, чему сами учились и при томъ такъ, какъ ихъ самихъ учили.

Чего могутъ стоить для образованія и воспитанія юношества учителя, подготовленные по университетскимъ мето-

*) Въ оригиналѣ: „профессоровъ нашего Университета“, въ смыслѣ учительской корпораціи. *Перев.*

дамъ, т. е. исключительно посредствомъ изученія книгъ? Эти несчастныя жертвы изуродованнаго склада понятій, какому только можетъ быть подверженъ человѣкъ, никогда не покидали школьныхъ скамей передъ тѣмъ, какъ войти на кафедру. Отсиживаютъ на скамьяхъ лицейскихъ, въ Нормальной Школѣ или на университетскихъ факультетахъ. Тратятъ 15 лѣтъ своей жизни на держаніе экзаменовъ и на подготовку къ разнымъ ученымъ соисканіямъ. Въ Нормальной Школѣ «ихъ обязанности буквально расписаны на каждый день. Все продѣлывается съ подавляющею правильностью. Экзаменные программы не позволяютъ шевельнуться этимъ жалкимъ невольникамъ науки». Ихъ память истощена сверхчеловѣческими усиліями заучивать то, что сказано въ книгахъ: чужія мысли, чужія чаянія, чужія сужденія. Лишенные всякихъ упражненій въ развитіи своихъ личныхъ свойствъ — предпримчивости, способности распознаванія вещей, силы воли, — они не пріобрѣтаютъ никакой подготовки для жизни и выходятъ въ нее наивными дѣтьми, не знающими ровно ничего. Они чувствуютъ себя въ жизни, какъ неопытный всадникъ на капризномъ конѣ. Они не умѣютъ заставить понимать себя тѣхъ, къмъ призваны руководить, они не знаютъ, чѣмъ и какъ можно воздѣйствовать на нихъ. Они повторяютъ съ профессорской кафедры заученные курсы, какъ дѣлали это столько разъ, когда были учениками, и могли бы легко быть замѣнены простыми фонографами.

Чтобы сдѣлаться профессоромъ (или учителемъ), имъ нужно заучить сложныя и тонкія вещи. Эти самыя сложныя и тонкія вещи они и будутъ повторять своимъ ученикамъ. Въ Германіи, гдѣ не существуетъ этого отвратительнаго порядка соисканій для полученія дипломовъ, профессора оцѣниваются по ихъ личнымъ работамъ и по ихъ успѣхамъ въ свободномъ преподаваніи, съ котораго, чаще всего, они и начинаютъ свою дѣятельность. Во Франціи ихъ расцѣниваютъ по умѣнію рассказывать на соисканіяхъ о множествѣ заученныхъ вещей. И такъ какъ число соискателей всегда значительно превышаетъ число вакантныхъ учительскихъ мѣстъ, то требованія еще усиливаются въ этомъ направленіи, чтобы побольше было провалившихся. Тотъ, кто сумѣетъ рассказать безъ ошибокъ и запинокъ какъ можно больше формулъ, кто нагромоздилъ въ своей головѣ возможно больше ребячески-

наивной тарабарщины, возможно больше научных или грамматических тонкостей, тот навѣрное одержитъ верхъ надъ своими соперниками. Совсѣмъ еще недавно одинъ изъ экзаменаторовъ на одномъ изъ послѣднихъ соисканій званія экстраординарнаго профессора, г. Жюльенъ, обратилъ вниманіе въ засѣданіи Высшаго Совѣта народнаго просвѣщенія, что экзаменная комиссія пришла просто въ испугъ «отъ того, какъ напрягается память кандидатовъ. Комиссія полагаетъ, что если память представляетъ собою превосходное орудіе для работы ума, то она должна только помогать служенію тѣхъ главныхъ, присущихъ профессурѣ, качествъ, какими являются: критическій умъ, логика и методика, осторожность и чувство мѣры, проницательность, вдохновеніе и широта взглядовъ, простота и ясность въ изложеніи, правильность и живость языка».

Почтенная комиссія, конечно, имѣла основаніе предаваться такимъ размышленіямъ, но далека отъ нихъ всякая дѣйствительность, и долго еще, при этихъ конкурсахъ, только память будетъ полезна кандидату. Онъ ни за что не проявитъ въ своей работѣ чего нибудь лично своего, хотя бы и имѣлъ на то время и способность, отлично зная, что при испытаніяхъ на полученіе всякихъ ученыхъ степеней ничто такъ не претитъ экзаменаторамъ, какъ такое проявленіе.

Когда, такимъ образомъ, человѣкъ отдаетъ 15 лѣтъ своей жизни на то, чтобы набивать свою память всѣмъ тѣмъ, что только она выносить, лишень возможности хотя бы взглянуть на внѣшній міръ, ни разу не можетъ проявить ни своей инициативы, ни силы своей воли, ни своей способности рассуждать, — на что онъ годенъ, такой человѣкъ? Ни на что, кромѣ развѣ того, чтобы заставлятъ своихъ несчастныхъ учениковъ лепетать о бесполезныхъ вещахъ изъ какой нибудь отрасли знаній, о которыхъ такъ долго лепеталъ въ юности самъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что среди нашей учительской корпораціи есть нѣкоторые избранные умы, которые избѣгли вліянія печальныхъ пріемовъ воспитанія. Такъ во время чумы удастся нѣсколькимъ врачамъ избѣгнуть этого бича. Какъ рѣдки такіа исключенія!

Университетъ, однако, живетъ престижемъ, какой создаютъ эти исключенія. Но если наблюдать всю массу учителей, то приходится установить, что въ ней очень мало такихъ, кто бы

не поддался подавляющему вліянію того режима, который создалъ ихъ. Сколько убито навсегда способныхъ отъ природы мозговъ, годныхъ теперь самое большее на то, чтобы гдѣ нибудь въ провинціальной глуши заставлять пересказывать уроки или держать экзамены, довольствуясь сознаниємъ, что уже слишкомъ они измождены, чтобы могли предпринять въ жизни что либо другое. Единственное для нихъ развлеченіе, это—составлять такъ называемыя элементарныя книги (учебники), блѣдныя компіляціи, каждая страница которыхъ свидѣтельствуешь о недостаточномъ воспитательскомъ талантѣ автора и о склонности его къ разнымъ тонкостямъ и бесполезнымъ вещамъ, какія ему вдолбилъ университетъ. Они думаютъ, что выясняютъ науку, усложняя самые мелочные вопросы, а эти мелочи затемняютъ самыя очевидныя вещи. Г. Фуїе (Fouillée), изучившій, какъ кажется, весьма внимательно составленныя его коллегами книги, издалъ въ свѣтъ невѣроятныя образчики этой школьной литературы. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ образчиковъ имѣется въ книгѣ одного профессора, рекомендованной въ качествѣ учебника для среднихъ учебныхъ заведеній и имѣющей на своей обложкѣ одобрительную надпись самыхъ высокихъ авторитетовъ университета.

„Авторъ заявляетъ, что онъ по собственному почину выбросилъ всѣ выраженія и разсужденія, которыя могли бы пугать неопытныхъ дѣтей: вотъ почему онъ имъ пространно разсказываетъ о *цезурѣ пентемимеръ*, которую замѣняютъ иногда *цезурой хептемимеръ*, сопровождаемой обыкновенно *цезурой трихемимеръ*. Онъ имъ говоритъ о сліяніи двухъ слоговъ, объ усѣченіяхъ на концѣ и въ началѣ словъ. Онъ ихъ освѣдомляетъ о томъ, что онъ принялъ скандировку стиховъ посредствомъ *анакрузы* и отбросилъ *хоріямъ* въ *логизмическомъ стихосложеніи*. Онъ имъ раскрываетъ также премудрость *четверного числа гиперметрическаго* или *двуметрическаго гиперкаталектическаго* или еще *девятисложнаго алкаического стиха*. Что сказать о *дактилическомъ гекзаметрѣ*, *каталектическомъ in dissyllabum*, о *процезматикѣ*, *каталектическомъ тетраметрѣ*, *дохміадическомъ диметрѣ* и о *трохаической гипноактической стробѣ*, о *трохаическомъ гипноактиченскомъ дистихѣ*?”

Г. Фуїе приводитъ еще нижеслѣдующую выдержку изъ книги одного учителя, предназначенной для начальнаго обученія, въ которой онъ долго распространяется относительно того, какъ нужно поступать, чтобы собрать всѣ свѣдѣнія для постановки театральной пьесы: «сперва наводятъ справку въ *общемъ репертуарѣ*, 20-й томъ, В. N., инвентарь у f, 5337=5546, и т. д.». За симъ идутъ три страницы подобныхъ же указаній!

Научныя книги вдохновлены тѣми же принципами. Я могъ бы привести въ примѣръ одну книгу по физикѣ, составленную однимъ экстраординарнымъ профессоромъ университета и предназначенную для подготовки кандидатовъ къ испытаніямъ на полученіе свидѣтельства по курсу физико-естественныхъ наукъ, т. е. для обученія такихъ молодыхъ людей, математическія познанія которыхъ, какъ увидимъ изъ «разслѣдованія», не идутъ далѣе самыхъ элементарныхъ. Авторъ съ необыкновеннымъ усердіемъ постарался испестрить каждую страницу своей книги совершенно бесполезными интегралами. Въ одномъ изъ приложеній, предназначенномъ для обученія разнымъ относящимся къ предмету манипуляціямъ, съ такою же расточительностью пестрятъ уравненія. Для такой простой операци, какъ повѣрка діаметра трубы, авторъ ухитрился заполнить уравненіями три убористыхъ страницы. Этотъ профессоръ, конечно, совершенно увѣренъ, что и изъ тысячи учениковъ не найдется ни одного, который бы понялъ что нибудь изъ этихъ формулъ, но какая же тогда можетъ быть польза отъ нихъ?

Съ новыми программами учебники только усложнились еще болѣе и сдѣлались рѣшительно неудобочитаемы. Въ одной замѣчательной статьѣ, появившейся въ журналѣ *l'Enseignement secondaire*, отъ 15 іюня 1904 г., г. Брукеръ (Brucker), профессоръ Версальскаго лицея, указалъ все «пустословіе», какимъ разукрашены книги, предназначенныя для обученія естественнымъ наукамъ, и привелъ печальные тому образчики. Вотъ одинъ изъ нихъ, взятый на удачу:

„Авторъ другого краткаго учебника идетъ еще далѣе. Нагроможденіе словъ въ его разсказѣ превосходитъ все, что только можно себѣ представить: тутъ у него и мохъ *бріофитовъ*, и папоротники *птеридофитовъ* или *экзопроталии*, *изодіодические*, ихъ споры *дідодовъ*, и далѣе все въ томъ же родѣ“.

Если наши учителя способны лишь на такое жалкое преподаваніе, такъ это потому, что они созданы университетомъ. Они обучаютъ тому, чему учились сами, и учатъ такъ, какъ обучали ихъ. Пока профессора факультетовъ набираются такъ, какъ это дѣлается теперь, ничто не можетъ быть измѣнено въ нашемъ университетскомъ преподаваніи.

Благодаря въ значительной мѣрѣ тому, что система выбора профессоровъ рѣзко отличается отъ нашей, обученіе въ Германіи

на всѣхъ ступеняхъ получило такое превосходство надъ нашимъ. Наши сосѣди нашли секретъ заставить факультетскихъ профессоровъ интересоваться своими учениками и быть доступными ихъ пониманію. Рецептъ самый простой. Никто другой, какъ сами ученики оплачиваютъ своихъ профессоровъ, и такъ какъ для обученія всякому предмету всегда имѣется нѣсколько свободныхъ профессоровъ, то ученикъ идетъ слушать того изъ нихъ, кто лучше преподаетъ. Конкуренція, такимъ образомъ, обязываетъ профессора внимательно заниматься со своими учениками. Онъ знаетъ, что только тогда, когда сумѣетъ привлечь къ себѣ много слушателей и издать собственные научные труды, онъ можетъ получить почетное званіе профессора по главной кафедрѣ, доходъ съ которой составляется, однако, главнымъ образомъ, изъ ученическихъ платежей. Во Франціи факультетскій профессоръ, это—чиновникъ на опредѣленномъ содержаніи, не имѣющій никакого интереса ни плѣнять умы своихъ учениковъ, ни приноравливаться къ ихъ разумѣнію. Не нужно быть глубокимъ психологомъ, чтобы понять, что если бы онъ оплачивался самими учениками, въ немъ тотчасъ же заговорилъ бы интересъ, и этотъ могучій двигатель быстро заставилъ бы его совершенно измѣнить свои приемы обученія. Если бы онъ не догадался этого сдѣлать, то не замедлили бы явиться конкуренты, которые принудили бы его либо измѣниться, либо исчезнуть.

Къ несчастью такая капитальная реформа которая одна уже повела бы къ реорганизации сперва нашего высшаго образованія, а потомъ, въ порядкѣ послѣдовательности, и къ реорганизации нашего средняго образованія — рѣшительно невозможна при нашихъ латинскихъ понятіяхъ. Очень рѣдкія попытки, какія дѣлались въ направленіи этой реформы частной инициативой, подвергались гоненіямъ со стороны Университета тотчасъ, какъ только замѣчался успѣхъ. Онъ терпитъ еще тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ успѣха. Мнѣ помнится, что лѣтъ 20 тому назадъ докторъ Ф*** открылъ для медицинскихъ студентовъ частный курсъ анатоміи, пользоваться которымъ они могли за очень большую плату, но при увѣренности, что здѣсь можно выучиться предмету, тогда какъ на официальныхъ факультетскихъ курсахъ изучаются очень немногу. Несмотря на то, что эти послѣдніе—совершенно даровые, ихъ студенты обѣгали, чтобы посѣщать платные

уроки. Докторъ Ф*** со своими учениками подвергался такимъ гоненіямъ со стороны Университетскаго Факультета, что послѣ десятилѣтней борьбы былъ вынужденъ закрыть свой курсъ.

Вотъ какъ далеки мы отъ пониманія программъ и ихъ реформъ. Читатель долженъ теперь ясно видѣть, какъ напрасна и бесполезна всякая тревога о программахъ и какъ также совершенно не нужны эти кипы страницъ, исписанныхъ по поводу ихъ. Программы не болѣе, какъ лицевая сторона. Можно мѣнять ее, какъ угодно, но это не измѣнить невидимой, скрывающейся за ней, сущности дѣла. Занимаются фасадомъ, потому что его видятъ. Не пытаются тронуть того, что находится за нимъ, потому что, чаще всего, этого не различаютъ.

V.

Надѣюсь, что мнѣ удалось показать, что задача реформы нашего обученія представляетъ совсѣмъ иную сложность, какой создатели парламентскаго разслѣдованія не подозрѣвали.

Мы не станемъ увѣрять, что эта реформа невозможна. Нѣтъ ничего невозможнаго для людей съ непреклонной волей. Но прежде, чѣмъ дѣлать реформу на удачу, какъ издавна это дѣлается и какъ продолжаютъ это дѣлать и теперь, нужно, по крайней мѣрѣ, основательно знать сущность вещей, которыя хотятъ реформировать. Если упорно не желаютъ знать этой сущности, то и не осуществлять ничего, кромѣ перемѣнъ въ словахъ, привести въ смущеніе умы, и обученіе станетъ еще хуже, чѣмъ теперь.

Только потому, что, повидимому, создатели «разслѣдованія» не отдавали себѣ полнаго отчета въ основныхъ задачахъ обученія, намъ казалось полезнымъ опредѣлить ихъ съ подобающею точностью.

Это громадное «разслѣдованіе» не было, однако, бесполезно. Оно выяснило много фактовъ, существованіе которыхъ можно было подозрѣвать, но нельзя было доказать. Оно выяснило, и это главнѣе всего, складъ извѣстныхъ понятій и что то зло, отъ котораго хотятъ излѣчиться, значительно болѣе глубокое, чѣмъ можно было бы предполагать.

Извѣстно, что заключеніе «разслѣдованія» вылилось въ проектъ реформъ обученія, представленный въ палату депутатовъ и принятый ею послѣ короткаго обсужденія. При этомъ обсужденіи министръ народнаго просвѣщенія говорилъ очень хорошія слова въ защиту самыхъ посредственныхъ вещей въ этой реформѣ. Въ умѣ его, конечно, слишкомъ много философіи, чтобы онъ могъ сознать ничтожество предложенныхъ парламентской комиссіей реформъ. Только и было всего, что измѣнили нѣсколько названій. Одинъ депутатъ, г. Массе, сказалъ по поводу этого проекта, что онъ «производитъ впечатлѣніе одного изъ тѣхъ дорого стоящихъ роскошныхъ фасадовъ, какіе сооружаются въ современномъ вкусѣ исключительно для того, чтобы дать иллюзію удобствъ помѣщенія, въ которомъ ничего или почти ничего не измѣнено».

Впрочемъ, всѣ эти, столько разъ повторявшіяся, реформы программъ рѣшительно не имѣютъ интереса. Наше обученіе останется такимъ, какъ есть, до тѣхъ поръ, пока совершенно не измѣнятся практикуемые методы. Повторяю, оно не можетъ измѣниться ранѣе, чѣмъ мозги родителей, учителей и законодателей хоть сколько нибудь не проникнутся необходимостью полнѣйшей реформы въ приѣмахъ обученія.

Участь большинства нашихъ крупныхъ парламентскихъ разслѣдованій: быстро исчезать въ пыли библіотекъ и никогда изъ нихъ не показываться на свѣтъ. Мнѣ стоило большого терпѣнія прочесть со вниманіемъ шесть огромныхъ томовъ о реформѣ обученія, и думаю, что найдется очень мало людей изъ моихъ современниковъ, кто бы отважился на это. Вопросы воспитанія и образованія такъ важны въ настоящее время, что мнѣ казалось необходимымъ извлечь изъ этой многотомной груды наиболѣе существенныя части, придать имъ надлежащую классификацію, подвергнуть ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обсужденію и снабдить ихъ этимъ предисловіемъ. Всѣ цитируемыя слова исходятъ отъ авторитетныхъ лицъ, которыя только и имѣютъ вліяніе въ такой, проникнутой духомъ чиновничества, странѣ, какъ наша, которыя только и могутъ воздѣйствовать на мнѣніе толпы и, можетъ быть, въ концѣ концовъ преобразовать его.

Это преобразование общественнаго мнѣнія есть первѣйшая реформа, къ осуществленію которой нужно въ настоящее

время стремиться. Только тогда, когда она будетъ проведена въполнѣ, возможно будетъ реорганизовать и обученіе.

Препятствія на пути такого стремленія громадны, но все же не непреодолимы. Для созиданія великихъ, потрясавшихъ міръ, религій никогда не требовалось много апостоловъ, а нужно было ихъ лишь нѣсколько. Вся тревога, изъ-за которой было предпринято парламентское разслѣдованіе, такъ сильно пошатнувшее наше педагогическое зданіе, произошла единственно потому, что одинъ энергичный человѣкъ, изслѣдователь Бонвало (Bonvalot), началъ вести ожесточенную кампанію. Если онъ и не сумѣлъ опредѣленно указать путь, какимъ нужно слѣдовать, чего, впрочемъ, нигдѣ не указало и шеститомное «разслѣдованіе», то онъ, по крайней мѣрѣ, выяснилъ, насколько губителенъ тотъ путь, котораго мы держимся теперь. Новый Петръ Отшельникъ, онъ встряхнулъ общественное равнодушіе, и за нимъ не замедлили скромно послѣдовать самые выдающіеся педагоги, готовые разбить идола, котораго когда-то такъ горячо защищали.

Въ тотъ день, когда общественное мнѣніе, достаточно проученное, пойметъ все зло, какое намъ причинилъ нашъ Университетъ, и сравнитъ его со всѣми тѣми благами, какихъ достигаютъ подобныя учрежденія въ другихъ странахъ, въ этотъ день рухнетъ сразу наша античная система воспитанія, какъ рушатся отъ легкаго прикосновенія эти очень древніе съ виду, какъ будто бы и прочные памятники. Тогда-то только мы будемъ въ состояніи пытаться достигнуть того, что достигается профессорами въ другихъ странахъ.

Единственно только воспитаніе можетъ задержать быстрое паденіе латинскихъ народовъ. Это — ихъ послѣдняя карта. Подъ угрозой погибнуть, они не должны ее проиграть. Мы можемъ попытаться сдѣлать то, что сумѣли свершить нѣмцы у себя. Они долго вдумывались, и мы также должны это сдѣлать, въ глубокія слова Лейбница: «предоставьте мнѣ дѣло воспитанія, и я измѣню лицо Европы менѣе, чѣмъ въ одинъ вѣкъ».

ПСИХОЛОГІЯ ВОСПИТАНІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОБУЧЕНІЕ ВЪ СРЕДНИХЪ И ВЫСШИХЪ ШКОЛАХЪ.

(L'ENSEIGNEMENT UNIVERSITAIRE).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе приѣмовъ обученія въ среднихъ и высшихъ школахъ.

Приѣмы эти суть продолженіе тѣхъ, какіе примѣнялись въ среднее вѣка. Догматическое воспитаніе. Школы продолжаютъ слѣдовать традиціямъ іезуитовъ. Онѣ не сумѣли ийти по пути развитія. Ихъ приѣмы, дисциплина, обученіе все еще тѣ же, какіе были и у іезуитовъ. Извѣщенія изъ донесеній, представленныхъ въ парламентскую комиссію по разслѣдованію дѣла обученія.

Нельзя хорошо постигнуть сущности нашего классическаго обученія, если не знать условій, при какихъ оно возникло. Это именно они все еще продолжаютъ тяготѣть надъ нимъ.

Они отлично выяснены многими лицами, дѣлавшими свои показанія въ парламентской комиссіи. Достаточно будетъ привести нѣсколько выдержекъ изъ нихъ.

... Все приемы, какие применяются теперь у нас при обучении, являются, до некоторой степени, не больше как продолжением средне-вѣковаго метода. Тогда обученіе находилось всецѣло въ рукахъ преподавателей католицизма; учитель всходилъ на кафедру, поучалъ свою малолѣтнюю аудиторію тому, чему онъ долженъ былъ ее обучать, а дѣти обязаны были принимать слово учителя, какъ слово священное. (Pauot, inspecteur d'Académie).

Во общихъ чертахъ программы могутъ характеризоваться двумя главными пунктами. Во-первыхъ, требовалось, чтобы воспитаніе было догматическое, опирающееся на религію, главною цѣлью котораго было бы стремленіе установить на каждую вещь неизбѣемое правило—правило морали, правило религіи, правило политики, правило даже вкуса,—такъ что въ такихъ вопросахъ, какъ, напр., литературныхъ, гдѣ фантазія каждого, казалось бы, должна быть совершенно свободной, желали преподать воспитанникамъ одно точное правило оцѣнки, отъ котораго они не должны были отступать. (Thalamas, professeur d'histoire).

Г. Блондель выразилъ ту же идею въ слѣдующихъ словахъ:

Наши учебныя заведенія, какой бы ни былъ у нихъ духъ теперь, все еще въ широкой мѣрѣ живутъ старыми принципами, унаслѣдованными отъ монастырей XVII и XVIII вѣковъ. Воспитаніе, какое вели іезуиты, и идеи, которыя имъ удалось сдѣлать господствующими въ нашей странѣ, глубоко оградили насъ нашихъ школьныхъ порядкахъ.

Іезуиты особенно старались убить въ воспитанникахъ волю. Они прилагали усилія къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезныхъ молодыхъ людей, образованныхъ, достойныхъ любви христіанъ, послушныхъ слугъ церкви и короля.

Уже Флери упрекалъ іезуитовъ въ томъ, что они создаютъ людей бездѣятельныхъ и бесполезныхъ; онъ говорилъ, что воспитаніе, какое давали іезуиты, недостаточно подготовляло къ жизни.

Наше среднее образованіе, съ согласія родителей, какъ надо то признать, сохранило въ основѣ свой характеръ прошлыхъ вѣковъ, поощряя болѣе качество послушанія, чѣмъ инициативу, не развивая по крайней мѣрѣ послѣдней иначе, какъ въ направленіи расширенія умственнаго кругозора. (Blondel, professeur de Faculté).

Воспитанники, получившіе классическое образованіе, если даже предположить, что они изученіемъ наукъ, философіи и языковъ приобрѣли нѣкоторое, отвѣчающее современнымъ требованіямъ, умственное развитіе, оказываются выброшенными на улицу съ запасомъ идей, изъ которыхъ самыми новыми являются французскія идеи XVII вѣка. Это—скудный багажъ. У нашихъ сосѣдей, англичанъ и нѣмцевъ, классическая литература ближе къ настоящему времени, чѣмъ наша. Они ставятъ вопросы нравственности, политики, эстетики и социальныя гораздо болѣе близко къ современнымъ требованіямъ. Это не пустякъ, ничего не значущій, — выпускать молодыхъ людей въ практическую жизнь, запасшихся только старыми идеями, жившими два вѣка назадъ. Я не думаю, что Воссю и даже Буало достаточны для сформированія современнаго человѣка. Цицеронъ и Титъ Ливій еще того менѣе. Мы съ этой точки зрѣнія, да еще при нашемъ упорствѣ не вводить въ наши программы ничего, кромѣ латинскихъ и греческихъ авторовъ и нашихъ классиковъ XVII вѣка, находимся въ опасной отсталости передъ лицомъ нашихъ непосредственныхъ сосѣдей. (Andler, maître de conférences à la Sorbonne).

Католическая религія была когда-то всеобщю въ Европѣ, классическое воспитаніе, въ концѣ концовъ, какъ нельзя лучше отвѣчало общимъ потребностямъ. Оно создало единство взглядовъ и единство доктрины. Кромѣ того, въ немъ видѣли всема су-

пественную пользу: латинскій языкъ былъ во всеобщемъ употребленіи у образованныхъ людей Европы, на немъ только они и писали свои книги, знать его было необходимо.

Это образованіе составляло, впрочемъ, принадлежность особаго, вполне опредѣленнаго класса, отдѣленнаго отъ другихъ непреступной стѣной.

Главная ошибка нашихъ присяжныхъ педагоговъ (l'Université) состоитъ въ томъ, что они не слѣдовали за ходомъ эволюціи, которая преобразила міръ, и не поняли, что то, что годилось народамъ въ ихъ дѣтствѣ, не можетъ годиться имъ, когда они въ зрѣломъ возрастѣ.

Уважать свои традиции, это — одно изъ условій, необходимыхъ для существованія народа; умѣть медленно избавляться отъ нихъ, это — одно изъ условій, обезпечивающихъ прогрессъ. Это послѣднее условіе и не сумѣли выполнить наши педагоги. Ихъ приемы, ихъ преподаваніе, ихъ правила остались такими же, какіе практиковались и іезуитами. Іезуиты почти что исчезли, а наши школы пропитаны еще ихъ духомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Значение методовъ, какими пользуются въ учебныхъ заведеніяхъ.

1. Мнемоническій методъ. Это единственный методъ, какой принять въ школахъ. Непрерывно обнаруживающіеся результаты этого метода въ различныхъ отрасляхъ знаній.

2. Результаты обученія латыни и живымъ языкамъ. Заявленія, сдѣланныя въ комиссіи по „разслѣдованію“ относительно степени познаній въ языкахъ, какими обладаютъ воспитанники учебныхъ заведеній. Сплошное невѣжество огромнаго большинства учениковъ послѣ того, какъ въ теченіе семи лѣтъ они обучались языкамъ.

3. Результаты обученія литературѣ и исторіи. Ученики только и заучиваютъ хронологію, разныя тонкости и ученые разсужденія объ авторахъ, которыхъ никогда не читали. Полное невѣжество учениковъ въ литературѣ и въ исторіи. Извлеченія изъ заявленій, сдѣланныхъ въ парламентской комиссіи.

4. Результаты обученія наукамъ. Методы обученія наукамъ тѣ же самыя, какіе примѣняются и при обученіи другимъ отраслямъ знаній, и приносятъ такіе же отрицательные результаты. Документъ, представленный въ парламентскую комиссію.

5. Результаты обученія въ высшихъ заведеніяхъ и духъ учебнаго вѣдомства (*l'esprit universitaire*). Обученіе въ высшихъ заведеніяхъ имѣетъ тотъ же характеръ, что и въ среднихъ — пересказъ учебниковъ. Въ лицеяхъ, въ школахъ — Политехнической и Нормальной, въ промышленныхъ и земледѣльческихъ училищахъ ученики одинаково поставлены въ необходимость работать памятью. Педагоги учебнаго вѣдомства полагаютъ, что достоинство чловѣка измѣряется единственно тѣмъ количествомъ вещей, какое онъ можетъ разсказать.

6. Мнѣніе учебнаго вѣдомства объ общемъ значеніи практикуемаго имъ же самимъ обученія. Извлеченія изъ заявленій, сдѣланныхъ въ парламентской комиссіи, изъ которыхъ видно, до какой степени сами же профессора убѣждены въ ничтожествѣ практикуемаго ими обученія. Они убѣждены, что нашему классическому образованію суждено исчезнуть.

1. Мнемоническій методъ.

Въ то время, когда все классическое образованіе только и заключалось въ томъ, чтобы обучать латыни и тѣмъ научнымъ началамъ, какія тогда признавались, приемы, освященные іезуитами, были совершенно достаточны. Ученики ихъ писали по-латыни довольно правильно и не должны были

особенно напрягать свою память, чтобы удержать въ ней тотъ небольшой запасъ научныхъ понятій, какой имъ преподавался. Мнемоническій методъ былъ, такимъ образомъ, вполне удовлетворителенъ.

Но при значительномъ развитіи современныхъ наукъ появились и другіе приемы обученія. Учебное вѣдомство не сумѣло ихъ понять. Работа памяти учениковъ — вотъ единственное средство, какимъ оно продолжало пользоваться при обученіи.

Въ наше время учителя не имѣютъ другого средства, какъ прибѣгать къ упражненію памяти. Отсюда и происходитъ перегрузка программъ, въ которыя все вписываютъ и вписываютъ новыя науки; тутъ и гигиена, и законовѣдѣніе, и палеонтологія, и археологія, и антропология находятъ себѣ мѣсто наряду съ языками мертвыми, языками живыми, съ математикой, исторіей, географіей и проч.

Ошибочно думать, что такимъ путемъ можно добиться чего-либо серьезнаго и глубокаго; это привело только къ верхоглядству. Забили себѣ въ голову, что ребенокъ, вступая на жизненный путь, долженъ имѣть запасъ этихъ обширныхъ знаній, а онъ ровно ничего не знаетъ. (Hanotaux, бывший министръ, бывший профессоръ въ Ecole des Hautes-Etudes).

Онъ ровно ничего не знаетъ ни по какой отрасли знаній. Заявленія, сдѣланныя въ комиссіи, намъ это подтверждать. Они такъ между собой похожи, что достаточно взять изъ нихъ лишь нѣкоторыя, относящіяся къ разнымъ учебнымъ предметамъ.

2. Результаты обученія латыни и живымъ языкамъ.

Парламентское разслѣдованіе намъ показываетъ, что девять десятыхъ изъ числа обучавшихся семь или восемь лѣтъ воспитанниковъ не способны переводить *à livre ouvert* самыхъ легкихъ авторовъ и потому не могутъ читать латинскихъ классиковъ. Значить, совершенно бесполезно и толковать о воспитательномъ значеніи языка, обучить которому не способны школы. Заявленія объ этомъ глубокомъ невѣжествѣ огромнаго большинства воспитанниковъ — почти единодушны. Я ограничусь нижеслѣдующими словами г. Андера, въ которыхъ онъ отлично изобразилъ сущность дѣла.

... Основательное изученіе латинскаго языка только и пригодно для образованія профессоровъ реторики, а посредственное, какое практикуется

теперь, служить только вѣшнымъ признакомъ, по которому узнается известный классъ буржуазной аристократіи. Если думали, что латинскій языкъ служить чему-то другому, напр., сохраненію известной національной традиціи, то эта послѣдняя была бы плохо обезпечена, такъ какъ результаты не позволяютъ предположить, что она держится на этомъ; найдется ли даже 10% воспитанниковъ, которые могли бы справиться съ элементарнымъ текстомъ Цицерона. Мнѣ ежегодно приходится довольно близко участвовать при разборѣ латинскихъ письменныхъ работъ на степень бакалавра; попадается одно сносное толкованіе изъ десяти. Если національная традиція зиждется на знаніяхъ, какія намъ даетъ латинская культура, то традиція порядочно-таки сконфужена. Всѣ возвышенныя выраженія облагородствъ души, о моральной культурѣ, оъ артистическомъ вкусѣ, которыя могли бы къ намъ перейти отъ народовъ латинской расы, уже не имѣютъ своего истиннаго значенія, разъ столь слабы элементарныя познанія въ латинскомъ языкѣ въ настоящее время.

Послѣ ученія, которое беретъ до десяти часовъ въ недѣлю и длится семь лѣтъ, воспитанники не способны разобраться въ какомъ либо одномъ толкованіи иначе, какъ при посредствѣ словарей. Это—зря потраченное время. (Andler).

Почти то же самое сказали и Ю. Леметръ (Jules Lemaitre) на одной, надѣлавшей много шума, конференціи; приложу извлеченіе изъ его словъ:

Я просматривалъ взятые на удачу тетради и письменныя работы нѣсколькихъ юношей: впечатлѣніе плачевное. Очевидно, что познанія ихъ въ латыни не послужатъ имъ даже для изложенія на чистомъ французскомъ языкѣ, если въ нихъ нѣтъ къ тому природнаго дарованія, и не помогутъ имъ понимать латинизмы нашихъ классическихкихъ писателей. Въ этомъ, впрочемъ, была бы еще очень небольшая прибыль, и она совершенно не соответствовала бы тому, во что обошлась.

Такимъ образомъ, двойнѣ терялось бы время, потраченное на изученіе языка безъ всякаго результата или съ результатомъ, почти-что безполезнымъ, которое можно было бы выгоднѣе использовать, не говоря уже на изученіе живыхъ языковъ, естественныхъ наукъ и географіи (это слишкомъ очевидно), но просто на игры, на гимнастику, на столарную работу, на что угодно.

Эта неспособность учителей и профессоровъ университетской среды (учебнаго вѣдомства) обучать латинскому и всякому другому языку, такъ какъ хорошо известно, что ученики столько же несвѣдуши въ новыхъ языкахъ, сколько и въ древнихъ, имѣетъ въ себѣ что-то непостижимое, что рѣшительно можетъ привести въ изумленіе. При той известной истинѣ, что ничто не можетъ быть легче, какъ обученіе какому-либо языку, что это единственный предметъ, какому даже самыя малыя дѣти, всѣ безъ исключенія, обучаются безъ труда,—неспособность учителей обучать языкамъ заставляетъ теряться. Нужно войти въ подробности ихъ методовъ, чтобы понять, какъ это происходитъ, что они такъ

скверно учать тому, чему такъ хорошо учили въ старину іезуиты.

Основную причину неудовлетворительности этихъ методовъ не трудно усмотрѣть. Нѣсколько подстрочныхъ переводовъ, обширное чтеніе помогли бы ученикамъ очень быстро научиться латыни почти-что и безъ учителей. Эти послѣдніе приняли за правило, что переводы текста—не болѣе какъ занятіе побочное, что ученики должны заучивать наизусть ученія грамматики, этимологіи, исторію словъ, разныя формы и всякія тонкости, какія только могутъ родиться въ учительскихъ мозгахъ.

У меня въ рукахъ учебникъ, въ которомъ проскандировано семнадцать родовъ стиховъ, гдѣ вниманіе ученика подробнымъ образомъ обращено на самые рѣдкіе метры, гдѣ о гекзаметрѣ Варгилія написано лишь нѣсколько строкъ, между тѣмъ какъ авторъ распространяется о различныхъ формахъ *катаlecticическихъ*, *двуметрическихъ*, *триметрическихъ* и *восьмисложныхъ* для перехода къ *асинартамъ*, *анапестамъ* и, наконецъ, для того, чтобы войти въ разборъ *логадическихъ* стиховъ, будь она простые или сложные, или еще *перекратейскіе* или *аскленіадическіе*. (Picot, secrétaire perpétuel de l'Académie des sciences morales et politiques).

Ученикъ, къ своему благополучію, забываетъ всю эту тарабарщину на другой день послѣ экзамена. Что же касается латыни, то онъ ея не забываетъ потому, что никогда ея не зналъ.

Живымъ языкамъ обучали, конечно, тѣми же приемами, т. е. заставляли учениковъ заучивать грамматическія хитрости. Точно такъ же, послѣ семи или восьми лѣтъ ученія, они не могли читать никакого сочиненія. Лависсъ и другіе члены парламентской комиссіи согласно свидѣлствуютъ объ этомъ.

Среди студентовъ, которыхъ я знаю въ Сорбоннѣ, рѣдко—рѣдко найдется одинъ, способный бѣгло читать англійскій или нѣмецкій текстъ (Lavissee, professeur à la Sorbonne).

3. Результаты обученія литературъ и исторіи.

Все — тѣ же приемы обученія литературъ и исторіи, и потому тѣ же и результаты. Хронологія и готовая оцѣнка событій, бесполезныя тонкости заучиваются по учебникамъ только для того, чтобы вылетѣть изъ памяти на другой день послѣ экзамена.

Что происходит теперь?

Дѣтямъ преподносятъ литературно-историческія „опредѣленія“, сдѣланныя ихъ учителями, заставляютъ читать литературную критику, редактированную, правда, талантливыми современными писателями, но которые не равняются ни Расину, ни Паскалю, ни Корнелю, ни Боссюэ, ни Ламартину и проч.

Наши воспитанники, слѣд., развивались на сочиненіяхъ своихъ учителей или на второстепенныхъ писателяхъ, но не читаютъ ни нашихъ великихъ, гениальныхъ, ни латинскихъ или греческихъ авторовъ.

Что касается французскихъ ученическихъ сочиненій, то они совершенно неудачны: темы даются слишкомъ техническія, и несчастныя дѣти стараются припомнить, что собственно могло быть имъ сказано о томъ или другомъ предметѣ. (Orain, directeur de l'Ecole de Blois).

Вмѣсто изученія собственно самой литературы изучаютъ ея исторію, такъ что не столько знаютъ содержаніе основныхъ положеній (les maximes) Ла-Рошфуко, какъ то различіе, какое существуетъ между смежными изданіями его книги „Maximes“. (Doumic, professeur à Stanislas).

Это-то и заучиваютъ ученики тверже всего, потому что это лучше всего знаютъ и ихъ учителя, такъ какъ состязаніе на экстраординарную профессуру, главнымъ образомъ, есть состязаніе въ болтовнѣ о пустякахъ. Кандидаты научились спорить изъ-за мелочей и почти-что не могутъ преподавать своимъ ученикамъ что-либо другое. Жизнь идетъ впередъ, конкуренція другихъ народовъ угрожаетъ намъ, а профессора тратятъ время на пустячные споры. То же самое происходило и въ Византіи, когда ее осадилъ Магометъ. Варвары были подъ ея стѣнами, а защитники вели между собою бесполезные споры о мелочахъ своего внутреннего распорядка.

Заставлять, какъ это дѣлается теперь во всѣхъ коллежахъ, вести пустячные споры о разныхъ воззрѣніяхъ, доходить въ нихъ до самыхъ тончайшихъ тонкостей, обсуждать хитрыя изощренія мысли—это значить рѣшительно удалаться отъ той цѣли, къ какой должно вести собственно обученіе. (Doumic).

Въ одной изъ статей періодическаго сборника *Revue de Paris* г. Лависсъ даетъ превосходную картину мастерства присяжныхъ педагоговъ въ видѣ отвѣтовъ учениковъ на вступительномъ экзаменѣ въ Сень-Сирскую школу. Тутъ видно, съ какимъ вниманіемъ учителя усердно занимаются единичными фактами, мелочами, которыя легко запоминаются, и насколько они неспособны внушать ученикамъ общее представленіе объ учрежденіяхъ, нравахъ и обычаяхъ данной эпохи.

Одинъ кандидатъ былъ спрошенъ о Кондэ, другой о Люксембургѣ, и ни тотъ, ни другой не знаютъ ни о жизни, ни о характерѣ, ни о мѣтодѣ этихъ двухъ полководцевъ, но отвѣтъ сейчасъ же былъ готовъ на вопросъ: „Кто командовалъ авангардомъ при переправѣ черезъ Рейнъ?“ И ни одно названіе не было пропущено въ перечнѣ сраженій Кондэ и Люксембурга.

Въ слѣдующихъ строкахъ г. Лависсъ очень хорошо изобразилъ сущность приемовъ обученія, практикуемыхъ учителями учебного вѣдомства (de l'Université).

Заученныя наизусть и съ досадою запачканныя пальцами книжонки; загромождающія раздѣрганную память непонятныя слова; переполняющія голову чужія, даже не усвоенныя, мнѣнія объ образцовыхъ произведеніяхъ, которыхъ не читали; готовые фразы для отвѣтовъ на экзаменѣ; мораль и самъ Богъ расписаны по отдѣламъ и параграфамъ и разбѣчены на подобіе схемъ съ разными скобками и подъ-скобками. И что еще хуже—учителя натаскиваютъ своихъ воспитанниковъ на такихъ конькахъ, какіе, по ихъ мнѣнію, должны нравиться экзаменатору*).

4. Результаты обученія наукамъ.

Тѣ же приемы примѣняются и при обученіи наукамъ. Слова, всегда только слова, сложные и замысловатые учебники заучиваются наизусть.

Въ химіи вмѣсто того, чтобы требовать дѣйствительнаго знанія номенклатуры и вполнѣ отчетливаго и чисто практическаго изученія великихъ законовъ и дюжины важнѣйшихъ тѣлъ,—что вызвало бы въ ученикѣ охоту къ химіи и желаніе пополнять свои знанія,—общественное мнѣніе обязываетъ насъ требовать, чтобы наши воспитанники были химиками-энциклопедистами. Селень, теллуръ, бромъ, іодъ, фторъ, боръ, кремній и проч., и проч. одинъ за другимъ проходятъ передъ ихъ глазами, и непосредственный за ними результатъ на лицо: отвращеніе; результатъ же отдаленный, какъ всегда даетъ себя знать безразсудное насыщаніе памяти, это—забвеніе.

Въ физикѣ вмѣсто того, чтобы постоянно и настойчиво привлекать вниманіе къ великимъ основнымъ законамъ, злоупотребляютъ скучнымъ описаніемъ сложныхъ приборовъ, какъ будто для того, чтобы сдѣлать изъ своихъ учениковъ рабочихъ-конструкторовъ: послѣ машины Атвуда машина Морэна, ничего не прибавляющая къ пониманію даннаго закона. Послѣ опытовъ Торричелли, барометръ Фортэнга, пользоваться которымъ ученики никогда не будутъ, исключая развѣ тѣхъ, кто будетъ заниматься спеціальными вопросами; затѣмъ барометры Гэ-Люссака, Бунтена, такъ что ученики въ концѣ концовъ не замѣчаютъ зданія, окруженнаго столькими лѣсами, и очень сильныя по части описанія приборовъ, они, нѣкоторымъ образомъ, упускаютъ изъ виду самые законы.

Это зло вездѣ одно и то же: оно коснулось и древней, и современной литературѣ, и живыхъ языковъ, и естественныхъ наукъ, и даже философіи.

Воспитанники, отдѣленные отъ жизни и дѣйствительности стѣною словъ, совершенно не привыкли заглядывать внутрь себя, потому что ихъ взоръ разбрасывается на внѣшній міръ. Они смотрятъ на него, но не умѣютъ ничего въ немъ разглядѣть. Вся ихъ умственная энергія вертится въ слогахъ. (Jules Payot).

*) Conférences „sur le baccalauréat, par Lavissee, professeur à la orbonne.

Результаты обученія въ лицѣхъ математикѣ не лучше тѣхъ, какіе достигаются при обученіи другимъ наукамъ.

Что особенно поразительно, это—то, что изъ всѣхъ учениковъ, прошедшихъ реторику, которымъ пришлось, однако, не мало заниматься и математикой, очень мало нашлось способныхъ выдержать установленный при городскихъ думахъ экзаменъ изъ особаго элементарнаго курса. (*Brevet élémentaire à l'Hôtel de Ville. Beck, directeur de l'Ecole Alsacienne.*)

Чтобы судить, чего стоятъ методы учебнаго вѣдомства и каковы ихъ результаты въ отношеніи даже самыхъ лучшихъ учениковъ, не лишнимъ будетъ призадуматься надъ нижеслѣдующимъ заявленіемъ г. Бюка, директора Центральной школы, приемныя требованія которой едва ли уступаютъ требованіямъ Политехнической школы.

Съ большой тревогой мы должны заявить, что встрѣчающіеся среди поступающихъ къ намъ молодыхъ людей очень хорошіе ученики, рекомендованные учителями лицеевъ, какъ первые изъ ихъ класса, получившіе на общемъ конкурсѣ почетный отзывъ, какъ отлично знающіе алгебраическій анализъ, исписываютъ безъ остановки доску формулами, но когда приходятъ къ концу, то рѣшительно не знаютъ, что, собственно, они хотѣли сдѣлать и найти. Они ничего не понимаютъ, развѣ только то, что они рѣшили уравненіе.

Если очень сильнымъ юношамъ, которые очень бойко продѣлываютъ алгебраическія выкладки на доскѣ, предложить замѣнить A килограммомъ, а B километромъ, то они ступеваются, теряютъ самообладаніе и ужъ совсѣмъ перестаютъ понимать.

Отсюда создалось у нихъ такое мнѣніе: профессоръ, курсъ котораго мало понятенъ—крупная величина, въ этомъ они убѣждены. Чѣмъ менѣе понимается изложеніе профессора, тѣмъ выше его ставятъ сравнительно съ другими.

На устныхъ испытаніяхъ молодые люди отвѣчаютъ еще хорошо. Если же имъ даютъ письменное сочиненіе, задачу на приложеніе курса, то 75% изъ нихъ не понимаютъ заданія.

Прискорбно, въ самомъ дѣлѣ, видѣть поступающихъ въ высшую школу двадцатилѣтнихъ молодыхъ людей, продѣлавшихъ работу выкладокъ и не способныхъ дать себѣ отчета, чего они искали, чего ждали отъ выведенныхъ въ нѣсколько рядовъ формулъ. Намъ очень и очень трудно внушить имъ, что предлагаемые имъ для изученія практическіе курсы имѣютъ за собой нѣкоторую пользу. Курсы высшаго анализа, механики они изучаютъ съ горячимъ рвеніемъ и увлекаются специальными отдѣлами чистой математики. Но введите курсы путей сообщенія, желѣзныхъ дорогъ, архитектуры, они скажутъ: это все хорошо для каменотесовъ, для рабочихъ. И тогда приходится долгіе мѣсяцы бороться, чтобы вдолбить имъ, что съ одной алгеброй не проживешь. (*Buquet, directeur de l'Ecole Centrale.*)

5. Результаты обученія въ высшихъ школахъ и послѣдствія того духа, какимъ проникнута университетская среда.

Несмотря на то, что вопросъ объ обученіи въ высшихъ школахъ выходитъ изъ рамокъ этого труда, я долженъ ска-

затѣ о немъ нѣсколько словъ потому, что если среднія школы и даютъ такіе ничтожные результаты, такъ это происходитъ отъ того, что и высшія работаютъ не лучше. Во всѣхъ странахъ, гдѣ высшее образованіе поставлено хорошо, идетъ, по необходимости, хорошо и среднее.

Обученіе въ нашихъ высшихъ школахъ имѣетъ тотъ же характеръ, что и въ среднихъ: пересказъ учебниковъ, нагроможденіе въ головѣ теоретическихъ свѣдѣній, не остающихся въ ней далѣе дня экзамена. Ученики высшихъ школъ, Политехнической, Нормальной, принуждены еще въ большей мѣрѣ пересказывать заученное, чѣмъ бакалавры; въ этомъ только и различается ихъ обученіе.

Тотъ же методъ изощренія памяти прилагается во всѣхъ видахъ обученія. Это именно онъ является причиной тому, что наша ученость такъ мало производительна, это онъ ставитъ насъ въ такое подчиненное сравнительно съ иностранцами положеніе. Наши экстраординарные профессора, наши доктора, наши инженеры выучили гораздо больше разныхъ вещей, чѣмъ ихъ иностранные соперники, и тѣмъ не менѣе въ жизни они въ высокой степени оказываются ниже ихъ. Чаще всего они принадлежатъ къ тому особому типу, который искусственно созданъ нашей университетской средой и представителей котораго справедливо называютъ «учеными идіотами».

Пока еще государство пристраиваетъ ихъ на разныхъ мѣстахъ, это ничтожество не проявляется ярко, но какъ только эти продукты нашей университетской школы предоставлены своимъ собственнымъ силамъ и принуждены сами создавать себѣ положеніе въ жизни, ничтожество ихъ научныхъ знаній тотчасъ и обнаруживается.

Особенно выказывается оно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ, какъ напр. въ инженерномъ дѣлѣ, необходимы познанія изъ точныхъ наукъ. Интересные примѣры на этотъ счетъ были представлены парламентской комиссіи.

Когда нѣмецъ-инженеръ выходитъ, напр., изъ Фрейбергской школы, то можетъ сейчасъ же прилагать свои познанія къ дѣлу и оказывать практическія услуги. Онъ уже имѣетъ нѣкоторое профессиональное значеніе. Когда же молодой французъ выходитъ изъ Центральной школы, то онъ знаетъ гораздо больше вещей, чѣмъ его коллега-нѣмецъ: онъ началъ свое обученіе съ пчеловодства и дошелъ до морскихъ сооружений. Онъ все знаетъ, но такъ поверхностно, что на дѣлѣ и практически онъ,

какъ говорить, способенъ ко всему, непригоденъ ни къ чему. (Maneuvrier, directeur des établissements de la vieille-Montagne).

Въ промышленности, крупные хозяева съ предвзятой мыслью выбираютъ себѣ инженероѡ все меньше и меньше среди ученикоѡ Политехнической школы. Съ трудомъ берутъ они ученикоѡ Центральной школы; они обращаются къ ученикамъ Шалонской, Анжерской школѡ ремесла и искусствъ. (Chailley - Bert, professeur à l'Ecole des Sciences politiques).

Въ настоящее время все проникнуто этимъ ужаснымъ духомъ университетской среды, въ которой установился взглядъ, что достоинство людей измѣряется количествомъ вещей, какое они могутъ пересказывать. Этотъ взглядъ теперь воспринималъ роль наслѣдственныхъ идей нашей расы; очень мало людей латинской расы, способныхъ понять, что пересказъ учебниковъ не единственно возможный идеалъ воспитанія.

Что касается обученія наукамъ, медицинѣ, военному искусству, сельскому хозяйству и т. д., то и тутъ всегда учебникъ замѣняетъ непосредственное ознакомленіе съ изучаемыми вещами. Недавно одинъ флотскій офицеръ Л. де Сосюръ (L. de Saussure) въ изданной имъ брошюрѣ вспоминаетъ о тѣхъ несчастныхъ офицерахъ-ученикахъ, которые обязаны цѣлые мѣсяцы рассказывать теорію стрѣльбы около орудій, не смѣя дотронуться до нихъ, и о тѣхъ инспектирующихъ адмиралахъ, которые ставятъ лучшія отмѣтки тѣмъ, кто лучше рассказываетъ. «Въ одной школѣ, дѣйствительно воспитывающей», прибавляетъ авторъ, «взялись за это дѣло иначе... Ученикоѡ заставляютъ самихъ продѣлывать всѣ манипуляціи съ орудіями, самолично должны они разобрать орудіе. Въ тотъ часъ, когда ученику придется сдѣлать выстрѣлъ изъ орудія, съ затворомъ и частями котораго онъ манипулировалъ своими собственными руками, будьте увѣрены, что онъ лучше освоится съ своимъ ремесломъ, чѣмъ послѣ скучной, тянувшейся два года пѣсни о стрѣльбѣ».

Какъ то стыдно, что приходится говорить о такихъ очевидныхъ вещахъ. Нужно было ихъ видѣть, чтобы понять, до какой степени всюду проникъ духъ университетской среды и чего онъ намъ стоилъ. Благодаря, главнымъ образомъ, этой средѣ, расплодилось у насъ множество теоретикоѡ, чуждыхъ дѣйствительности, всегда кидающихся отъ одной крайности къ другой, не способныхъ подчинять насъ неизбѣжнымъ потребностямъ, и людей очень слабыхъ по части разсужденія. И хотя я и поставилъ себѣ задачей почти исключительно цитировать

въ этой книгѣ людей изъ университетской среды, я воспроизведу еще нѣсколько строкъ, принадлежащихъ только что названному мною офицеру. Какъ дѣятельный человекъ, онъ много путешествовалъ и очень хорошо наблюдалъ.

Во всѣхъ странахъ, которыя спаслись отъ отвлеченныхъ принциповъ рационализма, во всѣхъ странахъ, приспособившихся къ современнымъ эволюціи и конкуренціи, во всѣхъ странахъ, гдѣ торговля, населеніе и влияние все растутъ,—въ Швейцаріи, Голландіи, Скандинавіи, Германіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ,—воспитаніе приблизительно такое, какимъ оно должно быть: искусство развивать наслѣдственные задатки человѣческой природы въ направленіи лучшаго ихъ примѣненія. Практика, опытъ и естественныя науки показали, что въ способностяхъ человека нѣтъ ничего безусловнаго, что онъ развивается только практикой и при посредствѣ нѣкоторыхъ побудительныхъ причинъ, что онъ весьма разнообразенъ въ разныхъ индивидуальностяхъ, и что нѣтъ определенной грани между физическими и умственными способностями. Воля, энергія, взглядъ, сужденіе такъ же точно, какъ пониманіе, говоря въ собственномъ смыслѣ, представляютъ собою наслѣдственные и перемѣнячивыя способности, но онъ для данной наслѣдственности могутъ развиваться болѣе или менѣе въ зависимости отъ предоставляемыхъ имъ случаевъ. Эти случаи появляются въ повседневной жизни, и воспитаніе состоитъ въ томъ, чтобы ихъ постепенно усиливать и приумножать.

... Для того, чтобы чувство необходимости въ борьбѣ за существованіе могло зародиться у тѣхъ, кто руководитъ общественнымъ мнѣніемъ, нужно еще, чтобы ихъ воспитаніе не сдѣлало ихъ неспособными различать неизбѣжныя потребности. А современное воспитаніе стремится изолировать молодыхъ французовъ отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью, усыпить ихъ безграничною вѣрою въ судьбу Памтеона своихъ великихъ людей *), въ вѣрное торжество Спенсеровскихъ „Принциповъ эволюціи“, въ знаменитыя слова Гамбетты о неизбѣжной справедливости, возстановляющей все **), усыпить убѣжденіемъ, что современныя войны—послѣднія проявленія деспотическаго духа и что эра мира и всеобщаго братства наступаетъ, чтобы завершиться апофеозомъ Франціи. Такое состояніе духа можетъ привести и не вырождающуюся страну въ упадокъ, потому что вырожденіе отнюдь не единственная причина паденія: испанцы не выродились со временъ Карла V, но они не сумѣли сознать перемѣны въ окружающей обстановкѣ; ихъ воспитатели заставили ихъ жить въ мѣрѣ воображенія и усыпили ихъ въ тщеславной вѣрѣ въ свою судьбу. Даже въ наши дни, послѣ того какъ пятьдесятъ лѣтъ американцы вмѣшивались въ дѣла Кубы, они не приняли никакихъ оборонительныхъ мѣръ и до послѣдняго времени отказывались допустить, что ихъ рыцарская страна могла бы чего-либо опасаться со стороны націи, которая, какъ изображаютъ въ прессѣ, состоитъ изъ свино-торговцевъ, одушевленныхъ исключительно стремленіемъ къ наживѣ.

*) Памтеонъ—монументальный храмъ въ Парижѣ, въ которомъ погребаютъ великихъ людей Франціи. Фронтонъ этого храма—*la Patrie*—изображаетъ отечество, раздающее награды своимъ великимъ сынамъ.

Перев.

**) Рѣчь, произнесенная въ Шербургѣ 9 августа 1880 г. (*Justice immanente*). Перев.

Въ наше время быстрого прогресса и непрестанныхъ превращеній нація, не умѣющая измѣнять свои идеи и обуздывать свои инстинктивные чувства, даже самыя похвальные, рискуетъ утратить способность повиноваться дѣйствительности и быть застигнутой врасплохъ важными событіями.

6. Мнѣніе университетской среды вообще о достоинствѣ обученія въ руководимыхъ ею школахъ.

Приведенныя выше цитаты показываютъ, что просвѣщенные профессора отлично знаютъ, каково практикуемое ими обученіе. Если, какъ я отмѣтилъ во введеніи къ этой книгѣ, они не отдають себѣ яснаго отчета, почему собственно оно такъ плохо, то по крайней мѣрѣ они видятъ его результаты. Мнѣнія, представленныя ими въ парламентскую комиссію, выражены съ полнымъ пессимизмомъ. Достаточно намъ ихъ привести.

Изъ коллежа выходитъ масса молодежи передъ которой прошелъ рядъ наскоро набросанныхъ очерковъ и которая почти безъ пользы поглотила кучу несваримыхъ вещей. Вообще они не умѣютъ ни писать, ни даже читать по латыни; они не имѣютъ никакого представленія о красотахъ древнихъ литературъ, нѣсколько отрывковъ изъ которыхъ они съ трудомъ пытались объяснить, никогда не прочитавъ ни одного цѣлаго образца изъ этихъ литературъ; большинство не можетъ написать страницы безъ ошибки въ правописаніи и на правильномъ французскомъ языкѣ. (Lavollée, docteur ès-lettres).

Просмотрите письменныя работы на степень бакалавра; побывайте на нѣсколькихъ устныхъ испытаніяхъ, вы увидите, на большинствѣ кандидатовъ, къ какой печальной неудачѣ привели усилія очень добросовѣстныхъ и очень почтенныхъ учителей, не прерывавшія въ теченіе шести или восьми лѣтъ подрядъ (Maueuvrier, ancien élève de l'Ecole Normale supérieure).

Я полагаю, что три четверти бакалавровъ не умѣютъ грамотно писать. Зло, быть можетъ, и не велико; но если классическое образованіе даже не достигаетъ и этого, то чему оно можетъ служить? Я убѣжденъ, что половина кандидатовъ права и историко-филологовъ не способна рѣшить задачу на тройное правило или извлечь квадратный корень, а по географіи, если вы предложите любому изъ нихъ какойнибудь вопросъ, то ни одинъ не сумѣетъ отвѣтить ни слова.

... Въ качествѣ экзаменаторовъ въ Морской школѣ мы тотчасъ же видимъ плоды средняго образованія. Я не знаю, впрочемъ, почему упорно его такъ называютъ: оно ни среднее, ни начальное, ни высшее, оно и все, и ничего. Это—ископаемое, которое уже не принадлежитъ нашему вѣку: оно восходитъ къ временамъ стараго режима и болѣе тридцати лѣтъ какъ перестало существовать. (Bérard, maître de conférences à la Sorbonne, examinateur à l'Ecole Navale).

Въ настоящее время положеніе классическаго образованія буквально слѣдующее: со всѣхъ сторонъ подрываемое и угрожаемое, не внушающее уже прежняго довѣрія, оно болѣе и болѣе стремится обратиться въ особую специальность, такъ чтобы латинскій и греческій языки преподавались приблизительно какъ еврейскій и санскритскій, предназначенные для нѣкоторыхъ ученыхъ и слѣд. совершенно не касающіеся до общаго образованія духа, ума и характера французовъ. (René Doumic, professeur à Stanislas).

Должно признать, что наше современное обученіе недостаточно приспособлено къ потребностямъ нашей эпохи. Оно, отчасти, является причиной той экономической подчиненности, въ какой находится теперь Франція,—подчиненности, безъ сомнѣнія, относительной, но весьма печальной, если сравнить столь медленное развитіе нашей промышленности и нашей торговли съ тѣмъ значительнымъ прогрессомъ, какого достигаютъ сосѣдніе народы, особенно нѣмцы. (Blondel, professeur de Faculté).

Я безъ колебаній и совершенно прямо вамъ скажу: по-моему, современное классическое образованіе не отвѣчаетъ больше потребностямъ; тѣ, кто даетъ его, такъ же мало въ него вѣрятъ, какъ и тѣ, кто его получаютъ. (Brunot, maître de conférences à la Sorbonne).

Я выскажу вамъ мою мысль съ полною откровенностью: по моему убѣжденію, классическое образованіе, поскольку оно является основой общаго средняго воспитанія, должно рано или поздно исчезнуть, уступить мѣсто новому обученію; я полагаю, что это есть фактъ, который относится къ эволюціи современной цивилизаціи. (Gaston Paris, de l'Institut).